ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

4.4

4 выпуска в год на 15 языках

65 лет МСА

Маргарет Арчер, Т. К. Ооммен, Иммануэль Валлерстайн, Альберто Мартинелли, Петр Штомпка, Мишель Вивьорка

Рабочие в Италии

Миммо Перротта, Дэви Саккетто, Луиза Леонинии, Алессандро Гандини

Кризис университетов

Джон Холмвуд

> **Сектарианизм и выживание в Ливане**

> **Невидимые цыгане Египта**

> **Преследование смешанных любовных союзов во Франции**

> **Призрак бродит по Турции**

> **Отношение к России в Казахстане**

> **Международный совет по науке и будущее планеты**

ЖУРНАЛ

ТОМ 4 / ВЫПУСК 4 / ДЕКАБРЬ 2014
http://isa-global-dialogue.net

ГА

International Sociological Association

> От редактора

МСА в 65

В честь 65-летнего юбилея МСА на Всемирном конгрессе в Йокогаме была созвана панель бывших президентов организации, призванных оценить проделанную за прошедшие десятилетия работу и дать прогноз на будущее. Их оценки опубликованы в номере Глобального диалога, который вы держите в руках. Они с сожалением рассуждают о триумфальном марше английского языка как lingua franca организации, тщетно надеясь, что когда-то все станут билингвами. Неумолимое и неизбежное разрастание конгресса приветствуется одними и ставится под вопрос другими. Иммануил Валлерстайн вспоминает первый Конгресс, в котором он участвовал в 1959 году, на котором в интимной обстановке узкого круга знакомых беседовали ведущие ученые, подавляющее большинство которых представляли Глобальный Север. Маргарет Арчер рассуждает о повышении инклюзивности как о незавершенном проекте. Она критично относится к расширению влияния исследовательских комитетов, которые привели к балканизации МСА и стали препятствием на пути разработки организацией всеобъемлющего, единого взгляда на социологию. Эти изменения частично объясняются углубляющейся профессионализацией – множеством факторов воздействия и показателей производительности – толкающей социологов на производство все более поверхностных исследований. В этом же номере Джон Холмвуд осуждает захват академии культурой аудита.

Этой же теме посвящена статья Мишеля Вивьерки, рассуждающего об опасностях гиперспециализации и вызовах электронного мира. Он также утверждает, что социологические исследования не должны игнорировать силу зла в современном мире. Т.К.Оммен следует за ним, описывая трудности на пути интернационализации социологии – например, сохраняющийся, несмотря на анахроничность, фокус на национальном государстве. Ооммен считает, что следует отделить нацию от государства и анализировать силы, действующие как выше, так и ниже государственного уровня. Петр Штомпка защищает идею международной социологии, утверждая, что может существовать «одна социология для многих миров» и не одобряет тех, кто культивирует политические деления, будь то революционеры или сторонники туземных социологий. Наконец, Альберто Мартинелли, вживающийся в свою новую роль президента Международного совета социальных наук, рассуждает о важной роли, которую могла бы играть социология в распространении и продвижении всемирного демократического управления.

Выдающиеся и многоопытные социологи выступают с важными предостережениями в отношении будущего социологии. Но как уже неоднократно показывал Глобальный диалог, молодые социологи готовы встретиться с этими трудностями лицом к лицу и бесстрашно взглянуть им в глаза. В этом номере мы публикуем статьи о трудовых мигрантах в Италии и о том, как итальянская молодежь справляется с экономическим кризисом. Мы также приводим статьи из Ливана об изменяющемся лике сектарианизма и о том, как крестьяне Южного Ливана выживают в зоне военного конфликта. Мы публикуем работы о дискриминируемых аутсайдерах, «цыганах» Египта и иммигрантах Франции, политических последствиях протестов вокруг парка Гези в Турции, манипуляциях СМИ в Казахстане, а также отчет о том, что естественные науки делают для спасения планеты. Несмотря на предостережения наших бывших президентов, социология живет и процветает, рассказывая нам о мире, дела которого идут, к сожалению, не так уж и хорошо.

> «Глобальный диалог» доступен на 14 языках на сайте МСА.

> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu.

МСА в 65

Шесть бывших президентов МСА обсуждают историческое наследие и будущее организации .

ГД

Глобальный диалог стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications.**

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой

Помощник редактора: Гей Сидман

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:
Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндолу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айзе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглоу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани.
Бразилия:
Густаво Танигути, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан,
Анжело Мартинс Младший, Лукас
Амараль, Рафаэль де Суса, Бенно Альвес.
Колумбия:
Мария Хосе Альварес Ривадулья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Катерине Гайтан Сантамария, Андрес Кастро Араухо.
Индия:
Ишвар Моди, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удэй Сингх, Риту Сарасват, Нидхи Бансал, Джьоти Сидана.
Иран:
Рейханех Джавади, Зохрех Сороошфар, Абдолкарим Бастани, Ниайеш Долати, Митра Данешвар, Фаэзе Хаджезаде.
Польша:
Мариуш Финкельштайн, Вероника Гаварска, Кшиштоф Губаньски, Куба Барщевски, Мартына Мемацка, Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска, Адам Мюллер, Конрад Семашко, Анна Вандзель, Ханна Вержбицка, Пржемислав Марцовски, Камиль Липиньский, Кинга Якиела, Зофия Пенза, Марцин Зарод.
Россия:
Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Воронкова.
Румыния:
Косима Ругиниш, Иляна Чинзяна Сурду, Телегди Балаж, Адриана Бондор, Рамона Кантараджу, Мириам Чиходариу, Руксандра Иордаче, Андра Ларионеску, Михай Богдан Мариан, Моника Надраг, Мадалин-Богдан Рапан, Алина Стан, Оана Мара Стан, Элена Тудор, Кристиан Константин Вереш.
Тайвань:
Чжин-Мао Хо.
Турция:
Гюннур Эртонг Аттар, Йонджа Одабаш, Илькер Урлу, Зейнеп Текин Бабуч, Хюсеин Одабаш
Япония:
Сатоми Ямамото, Юсукэ Абэ, Юри Хитоми, Ютака Ито, Сейдзиро Катаяма, Коки Каваками, Аяка Комия, Масахиро Мацуда, Масакадзу Мацудзаки, Юка Митани, Нами Мородомэ, Хироки Накамура, Масаки Окада, Такадзуми Окада, Юкари Садаока, Фума Сэкигути, Кохэй Такэдзири, Мисато Цуруда, Кадзуки Уйеяма, Ватару Вада, Томоко Вакия, Касуми Ямаути, Сакийе Ёсиока.

Медиаконсультанты: Густаво Танигути, Хосе Регера.

Консультант редактора: Ана Виллареаль.

> В номере

От редактора: МСА в 65 — 2

> БЫВШИЕ ПРЕЗИДЕНТЫ СМОТРЯТ В ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Социология для единого мира
Маргарет С. Арчер, Великобритания, президент МСА в 1986-1990 гг. — 4

Предпосылки интернализации социологии
Т. К. Оммен, Индия, президент МСА в 1990-1994 гг. — 6

МСА как организация: некоторые опасности на пути прогресса
Иммануил Валлерстайн, США, президент МСА в 1994-1998 гг. — 8

Вклад МСА в глобальное демократическое управление
Альберто Мартинелли, Италия, президент МСА в 1998-2002 гг. — 10

“Позитивистский манифест”
Пётр Штомпка, Польша, президент МСА в 2002-2006 гг. — 12

Дигитализация, дисциплинарные границы и зло
Мишель Вивьорка, Франция, президент МСА в 2006-2010 гг. — 14

> ТРУД В ИТАЛИИ

Трудовые мигранты в Южной Италии
Миммо Перротта, Италия — 16

Борьба против кооперативов
Деви Саккетто, Италия — 18

Молодые итальянцы и экономический кризис
Луиза М. Леонини, Италия — 20

Расцвет фриланса
Алессандро Гандини, Италия — 22

> ИЗ ЛИВАНА

Зыбучие пески сектарианизма в Ливане
Рима Маджед, Ливан — 24

“Горький урожай” табака в ливанской зоне военных действий
Мунира Хайят, Египет — 26

> КРИЗИС УНИВЕРСИТЕТОВ

Закручивание гаек аудита в высших учебных заведениях
Джон Холмвуд, Великобритания — 28

> ДИСКРИМИНАЦИЯ АУТСАЙДЕРА

Невидимые цыгане Египта
Александра Паррс, Египет — 30

Смешанные любовные союзы под подозрением
Мануэла Сальседо и Лора Одассо, Франция — 32

> ПОЛИТИКА И СМИ

Призрак бродит по Турции
Айлин Топаль, Турция — 34

Манипуляция общественным мнением в Казахстане
Алмаз Тайжанов, Казахстан — 36

Будущее планеты
Эмма Порио, Филиппины — 38

Румынская команда Глобального Диалога
Иляна Чинзяна Сурду, Румыния — 39

> Социология для единого мира

Маргарет Арчер, Университет Варвика, ВБ, презилент МСА в 1986-1990 гг.

Маргарет Арчер.

Нейтрального восприятия, на которое не оказывают влияние внешние факторы, не существует. С самого начала я смотрела на мир сквозь линзы ЮНЕСКО. МСА была основана как инструмент «сплочения социальных ученых всего мира», чтобы поспособствовать развитию этих дисциплин. 65 лет ее существования отделяют расцвет современности от поздней современности. МСА стала одним из участников исторического процесса, зависящего от структурных и культурных обстоятельств. Оглядываясь назад, мы замечаем, как четко совпадают периоды существования организации с разнообразными историческими периодами двадцатого века. Все эти годы МСА хватало доброй воли, но не хватало дара предвидения.

Что же мешало нам опережать остальных? Что мешало глобализации социологии, росту ее географической инклюзивности до того, как этот процесс захватил весь мир? Я расскажу о своем собственном опыте, начав со Всемирного конгресса 1966 года в Эвиане, по иронии всего лишь в шести километрах от того места, где я пишу эти строки. Как и сам город, конгресс получился маленьким, почти интимным, и очень европоцентристским. В нем участвовало много американцев, но самыми яркими участниками были восточно-европейские эмигранты. Мы веселились, стараясь угадать, кто же именно из официальных делегаций – агент КГБ, но превратить спокойные и безопасные разговоры в настоящие и рискованные дебаты нам не удалось.

Одна из причин заключается в том, что мы без зазрения совести практиковали языковую гегемонию. Большинство выходцев из Северной Америки, как и большинство британцев, не знают иностранных языков. Помимо этого, виновата и инфраструктура коммуникации – печатные машинки, отсутствие ксероксов, медленная почта, нестабильная телефонная связь – все эти факторы представляли собой препятствия. Чтобы те, кто родился позже 60х, могли это себе представить, приведу наглядный пример. Когда я стала главным редактором журнала Current Sociology (1973), библиография для написания отчета о последних тенденциях представляла собой шкафчик, наполненный библиотечными карточками! Честно говоря, мне бы не хотелось вновь испытать удовольствие от перепечатывания названий на старой печатной машинке. Почему нам казалось, что такие отчеты полезны, с самого момента основания журнала? Потому что до эры Интернета единственным источником такой базовой информации был журнал Sociological Abstracts, выпускавшийся стараниями Лео Чала (Leo Chall) и его жены. Вот закулисье периода, который я называю нашей маленькой холодной войной.

> Бойцы Холодной войны, объединенные эмпиризмом

Несомненно, философия социальных наук пропагандировала эмпиризм, который, хотя и считается несостоятельным в настоящее время, в то время представлял собой связующее звено между Западом и Востоком. Западные страны радовались появлению первого компьютера (достигавшего размера комнаты). В Восточной Европе подробные статистические исследования предоставляли безопасное убежище от политической корректности. Более того, статистика представляла собой некую форму эсперанто. На конгрессах 1970х гг. посещение любой конференции предполагало созерцание таблиц регрессионного анализа, приглашавших к участию в квази-математической дискуссии.
Не то что бы теория была мертва. Напротив, главной достопримечательностью конгресса в Уппсале должен быть стать запланированный дебат между Парсонсом и Альтюссером – как минимум если судить по толпам, сте-

>>

кавшимся в отдаленный зал, несмотря на ливень. Как только председатель объявил, что, к сожалению, ни тот, ни другой классик не смог приехать, зонтики вновь раскрылись, и понурая толпа высыпала на улицу.

Нельзя сказать, что МСА не хватало благих намерений и доброй воли. Совсем не случайно мы проводили встречи Исполнительного комитета в Восточной Европе, тайно вывозили рукописи из Болгарии, посещали Тбилиси, Любляну, Будапешт и другие города, чтобы расширить свою сеть. Мы часто приезжали в Польшу, и таким образом завязалась не одна дружба. И там в период, когда национальные ассоциации все еще доминировали в МСА, мы увидели суть отношений между членами МСА и коммунистической Партией. Проживая в чудесном Яблонском дворце, мы чувствовали себя неловко, потому что осознавали: для того, что прокормить нас, нашим коллегам потребовалось пожертвовать талонами на еду за целый месяц. Поварихе хотелось удивить нас, и она пообещала приготовить zrazy zawijane в четверг. Весь день мы слышали ее приготовления, но ужин все откладывался и откладывался. В конце концов мы увидели целую вереницу автомобилей, приближавшуюся со стороны Варшавы. Бедной поварихе пришлось сказать нам, что это банкет министра образования, и что ужин для нас отменен. Многие дружеские отношения удалось поддержать. В 1989 году многие испытали особое удовольствие, поехав в Гданьск и посетив верфи – те самые, где изменяла ход истории Солидарность».

> Мексиканская волна и пробуждение

Что касается остального мира, можно сказать, что МСА своевременно отвечала на репрессии отдельных личностей, но не на репрессии коллективов и сообществ. Она оставалась крайне европоцентристской. Ни европейцы, ни американцы не были особо осведомлены о ситуации на других континентах. Конечно же, были и важные исключения из этого правила: Том Боттомор был знатоком Индии, а Ален Турен – Латинской Америки. Но только после мексиканского конгресса в 1982 году, мы поняли, насколько ресурсов мало мы вложили в сотрудничество с Латинской Америкой. Мы были поражены огромному числу студентов Национального независимого университета Мексики, которые решили принять участие в конгрессе. То, что не всем хватило места и пришлось срочно находить выход из этой ситуации, возмутило многих из них. «Как же так? Вы приехали в нашу страну, но не знаете ничего ни о нашем языке, ни о наших нуждах?» Тогда мы все вместе осознали свои просчеты. Президентом ассоциации был избран Кардосо, хотя испанский был принят в качестве третьего официального языка лишь через несколько лет.

К тому моменту, как следующий конгресс (1986 года) собрался в Нью-Дели, Мартин Олброу и я уже запустили аутрич-программу International Sociology. Даниель Берто стал инициатором конкурса молодых социологов, который проходил на 14 языках. Активное участие в конкурсе молодых ученых разных стран лишний раз показало нам, какими исключенными они чувствовали себя ранее. Испанский стал официальным языком МСА. Тема конгресса 1990 года звучала так: «Роль социологии в создании единого мира», и именно этому вопросу я посвятила свою президентскую речь. Большинству членов Исполкома казалось, что мы двигаемся в правильном направлении. Однако мне не удалось заметить маленькое темное облако, которое разрасталось и грозило застлать собой солнечное небо: растущее влияние исследовательских комитетов. Именно из-за него замедлился начатый нами процесс.

> Двадцать лет балканизации

Изначально специализация исследовательских комитетов казалась адекватным ответом на растущее число профессиональных социологов во всем мире и разнообразию их интересов. Влияние ИК все нарастало, и набиравшей обороты специализации было нечего противопоставить. Это привело к двум непредвиденным последствиям. С одной стороны, исследовательскими комитетами стали управлять довольно догматичные люди, представляющие определенный подход и исключавшие несогласных. С другой стороны, несмотря на процветание комитетов, стало ощутимым отсутствие ведущих социологов, анализирующих позднюю современность и ее проблемы. Короче говоря, платформа для обсуждения ответа на вопрос «Куда катится этот мир?» становилась в МСА все уже и уже.

Все чаще и чаще в случае, если «ваш» исследовательский комитет превращается в «вотчину», лучшая альтернатива – переход в другой комитет. Пленарные заседания перестали представлять собой поле дебатов, где наблюдается баланс разных точек зрения. Поэтому я всецело поддержала попытку Майкла Буравого сфокусировать внимание на ключевых дебатах, одновременно продвигая «Глобальный диалог».

> Императивы будущего

По мере того, как интенсифицируется бюрократическое регулирование академии, появляются новые индикаторы успеха. Молодые ученые, находящиеся на ранних стадиях карьеры, принимают узкую специализацию, чтобы защититься, или же занимаются мало осмысленным сбором этнографических данных. Необходимость печататься и заполнять резюме масштабным списком опубликованных работ означает, что у них остается все меньше времени на то, чтобы прочитать книгу от корки до корки. В таких условиях я постоянно задаю себе вопрос: где же форум для социологических обсуждений мировых проблем таких, как упадок Европы, изменение климата, углубление неравенства, реструктуризация финансового капитализма? Где же пространство для социологических диспутов, посвященных концептуализации современного мира, неолиберализму или мантре «безальтернативного развития»?

Новый состав Исполнительного комитета крайне международен: это приведет либо к балканизации, либо к формулированию новой исследовательской повестки и включению в нее проблем мирового масштаба. Ранее мне казалось, что лучшая роль для бывшего президента – сохранять молчание, ведь ему уже была дана возможность высказаться. Однако, со временем я пересмотрела свои взгляды. Теперь я считаю, что нам необходимо высказываться. В конце концов, у нас есть одно общее преимущество: нам нечего терять. ■

Корреспонденцию направляйте Маргарет Арчер по адресу
Margaret.Archer@warwick.ac.uk

> Предпосылки интернализации социологии

Т. К. Ооммен, Университет Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия, президент МСА в 1990-1994 гг.

Т. К. Ооммен.

Международная социологическая ассоциация была основана для продвижения идеи международной социологии, но мы так и не достигли консенсуса в том, что же все-таки означает эта неуловимая концепция. Конечно, можно представить себе ее в качестве совокупности «национальных социологий», но даже в демографических терминах «нация» - это тоже своего рода неуловимое понятие. Есть нации, в состав которых входит более миллиарда жителей (Китай и Индия), численность других - пять миллионов и менее. Более того, социальная структура и культурные паттерны разных «наций» колоссально различаются. В то время как одни нации являются мононациональными образованиями, другие представляют собой многоэтничные или многоплеменные структуры. Одним являются национальными государствами в реальности, другие в плане своих устремлений. Непростое предложение – воспринимать эти разнородные единицы в качестве «кирпичиков» для построения международной социологии. И все же именно этим пытается сейчас заниматься МСА!

Как отмечает Бауман, «за малым исключением все концепции и аналитические инструменты, в настоящее время применяемые социальными учеными, приспособлены для анализа человеческого мира, в котором наиболее тотальное и полное множество – это «общество», понятие, в большинстве практических случаев эквивалентное концепции «национального государства»». Первая предпосылка для интернационализации социологии – отход от использования «национального государства» как единицы социологического анализа, как для того, чтобы избежать «методологического национализма», так и по той причине, что эталонное «национальное государство» не реализовано даже на своей «родине», в Западной Европе. И все же социологи не могут заменить «общество» (точку опоры целой дисциплины!) такими понятиями как «мобильность», «глобальная сеть» или «многонациональные социальные пространства», как предлагали некоторые, потому что в отсутствии обществ ничто из этого невозможно укоренить.

Вторая предпосылка интернационализации социологии – преодоление иррационального различения социологии и социо-культурной антропологии. Если антропология анализировала «второсортных» других – диких, цветных, этнографических – социология стремилась к изучению современных, индустриальных и «запрограммированных» обществ. Как верно утверждает Фолдинг (Fallding), «культурная и социальная антропология представляют собой не что иное, как социологию примитивных народов». Предположение, что социология – именно продукт современности, подвергает субъектов несовременных обществ когнитивной блокаде, игнорирует множественность современностей.

Интеллектуальная дихотомия колониального периода трансформировалась в трихотомию периода Холодной войны, разделяющую общества на основании политико-экономических критериев, не имевших ничего общего с социальными или культурными структурами. Третий мир характеризовался отставанием в развитии, перенаселенностью, отличался политической хаотичностью. Второй мир считался технологически современным, но авторитарным с политической точки зрения. Первый мир – современным, технологически продуктивным и эффективным, демократическим и экономически продвинутым.
Но с точки зрения социальных структур и культурных паттернов Третий мир состоял из совершенно разных систем, представляющих собой последствия совершенно разных колониальных контекстов. В то время как Африка и Южная Азия подверглись «отступлению колониализма», Латинская Америка, населяемая иммигрантами с разнообразным этническим происхождением – «репликативному колониализму». Территория, населяемая многооб-

>>

разными «этническими группами», живущими вместе на территории одного государства, не может считаться государством-нацией в западноевропейском смысле этого слова. Неспособность социологов противопоставить что-либо трехчастной схеме мира продолжает усложнять наше понимание поселений (settlement societies), расположенных как в Первом, так и в Третьем мире.

Смешение государства и нации – часто встречающаяся концептуальная ошибка, камень преткновения на пути интернационализации социологии. «Национальные традиции» в социологии делают отсылку исключительно к исследованиям, проведенным в рамках государственных границ. До возведения Берлинской стены и после ее разрушения в немецкой социологии была лишь одна традиция, но в течение нескольких десятков лет их было две – традиция Восточной Германии и традиция Западной. До распада Советского Союза социология СССР заключала в себе несколько национальных социологий, после распада эти национальные социологии стали различимы.

Соединение социологии с национальным государством противоречит самой сути дисциплины. Социология анализирует социальные структуры и культурные паттерны в разнообразнейших обществах – обществах модерна и премодерна, примитивных, сложных, аграрных и индустриальных. Если у социологии есть дисциплинарный интерес в разнообразии, то национальное государство неустанно стремится к гомогенизации. Парадоксальным образом, души социологии и национального государства имеют совершенно противоположную направленность, но они слиты воедино в едином теле – теле политическом – что замедляет процесс интернационализации социологии.

Более того, соединение социологии с государством особенно проблематично для «наций», не получивших собственного суверенного государства. Есть французская социология, но не социология Бретани. Есть британская социологии, но не социология Уэльса. Есть социология Испании, но нет социологии Каталонии. Курдская нация, разделенная несколькими суверенными государствами, кажется, так и останется без собственной социологии. Судьба «национальных социологий» нераздельно переплетена с политической судьбой соответствующих наций: «нет суверенного государства – нет социологии». Можно ли в такой ситуации осмысленно говорить об убедительной интернациональной социологии?

Кто-то скажет, что мы уже наблюдаем кончину национального государства. Распад «Второго мира» породил идею о едином мире – и как его логическое продолжение – идею о глобальной социологии. Наспех сделанный вывод о том, что «единая социология» обязательно возникнет, был, несомненно, преждевременным. Поскольку существует единая коммуникативная система, некоторым даже привиделось «мировое общество», что лично я считаю непреднамеренным возвращением к первородному греху, а именно к идее о построении социологии по образцуу «естественной чистой науки».

В своей Президентской речи к XIII-му Всемирному Конгрессу социологии (Билефельд 1994) два десятилетия назад я утверждал, что «Мировое Общество, воспринимаемое как единая культура, единая цивилизация, единая коммуникационная система и тому подобное не только невозможно, но и нежелательно – плюрализация инкапсулирует саму концепцию мирового общества»

В заключение отмечу два момента. Во-первых, несмотря на трансформации в человеческих обществах, все они обладают тремя общими характеристиками, а именно: единством (как утверждает философский реализм), множественностью (как утверждают социологи-номиналисты) и социальной процессуальностью (по мнению культуральных плюралистов). Эти измерения в некоторой степени различаются в разных обществах, однако на каком-то базовом уровне присутствуют везде, что дает социологии надежду на потенциал интернационализации. Но вместо того, чтобы сфокусироваться на этих базовых ключевых моментах, социология носится как с писаной торбой с экономикой, технологией, медиа, экологией и тому подобным, отодвигая социальные структуры и культурные паттерны на задний план и обращаясь с ними как с зависимыми переменными.

Во-вторых, различия социального устройства в большей степени объясняются стратификацией, гетерогенностью и иерархией, а не уровнем экономичееского развития или типом политического устройства. Общества стратифицированы на основании класса, гендера, возраста и так далее, но они также культурно гетерогенны (в плане религии, языка, расы). Интерсекциональность предполагает повышенную сложность. В иерархических обществах, где социальные ценности легитимируют неравенство, сложность возрастает в геометрической прогрессии. Истинная интернационализация социологии должна стремиться к поиску как общих черт, так и специфических различий. Международная социология не предполагает ни универсализацию, ни «туземизацию» социологии, а скорее контекстуализацию – она избегает как гегемонизацию, присущую универсализму, так и ограниченность «туземизации». В действительности же, сравнительная социология – первый шаг на пути к интернационализированной социологии. ■

Корреспонденцию направляйте Т. К. Ооммену по адресу tkoommen5@gmail.com

> МСА как организация: некоторые опасности развития

Иммануил Валлерстайн, Йельский университет, США, президент МСА в 1994-1998 гг.

Иммануил Валлерстайн.

Впервые я принял участие в конгрессе МСА, в 1959 году. Это бы третий конгресс ассоциации, он проходил в Стресе, маленьком городке на севере Италии. С тех пор я принял участие в пятнадцати конгрессах. Размышляя о различиях между МСА образца 1959 года, во время моего президентства с 1994 по 1998 год, и в настоящее время, я хотел бы обсудить четыре аспекта жизни организации: состав участников конгресса, язык, структуру и программу МСА, а также последствия, к которым привело разрастание ассоциации.

> Состав участников

В 1959 году ассоциация насчитывала 867 членов, на пленарных заседаниях присутствовало лишь 300 человек, и все они были представителями европейских и североамериканских стран. Насколько я помню был лишь один активный участник из так называемого «третьего мира», Ануар Абдель-Малек из Египта, хотя и он работал в Париже. Это был первый конгресс, на котором присутствовали делегаты из Советского Союза и других восточноевропейских государств. Большинство были недавно переквалифицировавшимися философами, но то же самое можно было сказать и об участниках из Италии, страны, в которой проходил конгресс. «Социология» была в то время молодой социальной наукой, и МСА играла немаловажную роль в ее создании, развитии и продвижении.

К моменту моего президентства состав участников стал несравнено более международным. Несмотря на это, распределение оставалось неравномерным. Величина взноса ограничивала посещаемость конгресса, как, впрочем, и тот факт, что во многих странах социология находилась на стадии становления (если не зарождения).

К 2014 году благодаря постоянным усилиям МСА состав организации стал значительно сбалансированнее. Самым значительным улучшением стал рост участия женщин в качестве официальных представителей и спикеров. Мы предполагаем, что и в дальнейшем показатели дистрибутивного участия будут улучшаться.

> Язык

Изначально официальными языками МСА были английский и французский. В 1959 году все еще очень широко использовался последний. Я полагаю, на конгрессе 1959 года французскую речь можно было услышать значительно чаще, чем на намного более масштабном конгрессе года 2014. Большинство участников как минимум понимали английский и французский. Необходимость перевода возникала лишь в исключительных случаях.

В так называемом Третьем мире конгресс МСА впервые прошел в 1982 году – в Мехико. Конечно в нем приняло участие множество социологов из Мексиси и Латинской Америки. Практически исключительное использование английского и французского языков вызвало волну протестов среди юных мексиканских участников, потребовавших права изъясняться на испанском и пользоваться услугами переводчиков. Ален Турен спас ситуацию, когда он с трибуны стал переводить выступления с английского и французского на испанский и обратно. Впоследствии испанский стал третьим официальным языком МСА.

Несмотря на это, английский превратился в единственный реально используемый язык, за исключением ряда изолированных секций для участников, говорящих по-французски и по-испански. Стоило выступающему заговорить по-французски или по-испански, как англоязычные участники уже устремлялись к выходу. Когда я был президентом, мы созвали специальный

>>

комитет для изучения данной проблемы. Его возглавил все тот же Ален Турен. Комитет разработал ряд мер по ее решению, но их просто тактично проигнорировали.

Такое положение дел частично объясняется ростом международного участия. Постоянно возрастает число членов МСА, для которых ни один из трех официальных языков не является родным. Для большинства английский был первым иностранным. Такой эффект является одним из последствий гегемонии США в современной миросистеме: в то время как предыдущие поколения изучали французский, немецкий или русский как иностранный, поколения помоложе переключились на английский.

Как многие международные организации, МСА столкнулась с негативными последствиями lingua franca. Сейчас используется ее обедненная версия: различия между письменной и устной версиями продолжают расти. Гегемония США спадает , и потому, несомненно, требования использования новых языков будут звучать все явственнее. Возникает вопрос: как будет реагировать МСА, когда китайский и арабский буду широко использоваться в науке?

> Структура и программа МСА

В 1959 году Совет, состоявший из представителей национальных социологических ассоциаций - членов МСА, избирал президента, других руководителей, а также Исполнительный комитет организации. Когда в МСА вступил Советский Союз, назначения на руководящие должности начали проводиться через частные переговоры формата Восток-Запад.

В 1959 году в организации работало только два исследовательских комитета. Это были настоящие исследовательские комитеты. Иными словами, они не представляли собой пространства для дискусии, а являлись группами, старавшимися получить средства на транснациональные исследования. К ним нельзя было просто так присоединиться. Новые участники должны были получить специальное приглашение. Впоследствии, по мере роста числа комитетов был сформирован Совет исследовательских комитетов.

Основной задачей структур МСА был выбор места проведения следующего конгресса, а также формулировка его программы. Обязанность по составлению программы лежала на плечах единственного вице-президента и программного комитета, члены которого не входили в Совет МСА. Напротив! Идея заключалась в том, чтобы найти компетентных и разношерстных людей и избежать присутствия аппаратчиков в Совете. Даже президент не посещал встречи Программного комитета.

Шли годы, МСА создавало все больше вице-президентских позиций, но и при моем президентстве вице-президент, ответственный за разработку программы Конгресса оставался высшим по рангу. Альбертно Мартинелли (сменивший меня на поступ президента) , отвечал за создание прграммного комитета, хотя другие вице-президенты также принимали участие в разработке программы. В какой-то момент вице-президент по исследованиям сместил вице-президента по программе с верхней позиции ирерархии. Впоследствии этот пост и вовсе был упразднен. Теперь программой будет заниматься Исполнительный комитет.

Я полагаю, что это ошибка, о которой ассоциации еще предстоит пожалеть. Мы отняли возможность принятия решений у членов ассоциации, выбранных на основании их компетенций, передав программу в руки людей с узкими фракционными интересами. Если в Исполнительном комитете превалирует какая-то «фракция», он не может произвести на свет по-настоящему интегрированную программу. Если Исполком непримиримо разделен, это может сделать его работу дисфункциональной и вообще завести ее в тупик. Я надеюсь, что МСА одумается и вернет вице-президенту по программе прежние позицию и независимость.

> Последствия роста

Положительные последствия роста численности и большего географического разброса участников конгресса очевидны. МСА стала намного более инклюзивной. Но инклюзивность может подразумевать и исключение! В 1959 году в состав МСА входил почти каждый социолог, считавшийся важным ученым. Встречи в формате небольших групп предоставляли пространство для глубокого обсуждения взглядов.

Теперь, когда у нас уже шести тысяч участников и бессчетное число исследовательских комитетов и встречи происходят в разнообразных форматах, время и пространство для настоящих дебатов пропали. Каждая сессия подразумевает представление четырех-пяти «работ», по которым можно задать в конце не более двух вопросов. Участние в конгрессе становится пассивным.

Тем же, кто ищет настоящих дебатов и совместной работы, следует организовывать малые встречи за пределами конгресса. У всех нас ограничены временые и финансовые ресурсы, как, собственно, не бесконечны и наши силы. Разрастание организации повышает инклюзивность, но одновременно с этим поощряет отстраненность. Простого решения этой проблемы нет. Возможно, мы могли бы создать конгресс малых самоорганизованных групп, в рамках которых не представляются статьи, а проходят дебаты вокруг определенной конкретной проблемы. Это было бы непросто организовать. Быть может, это предложение вообще звучит утопично. Но мы вновь сталкиваемся с необходимостью существования программного комитета, функционирование которого определяется не теми, чья цель состоит в преследовании конкретных организационных интересов. ■

Корреспонденцию направлять Иммануилу Валлерстайну по адресу:
immanuel.wallerstein@yale.edu

> Вклад МСА в глобальное демократическое управление

Альберто Мартинелли, Университет Милана, Италия, президент МСА в 1998-2002 гг., в настоящее время президент Международного совета социальных наук (МССН)

Альберто Мартинелли.

Оглядываясь назад, мы признаем, что и социология, и ее международная ассоциация, то есть МСА, значительно продвинулись вперед. Заглядывая в будущее, мы осознаем, что нам еще очень многое предстоит сделать, чтобы придать им истинно глобальный характер. Создание и пропаганда международной социологии с самого начала являются ключевыми целями ассоциации. Президенты МСА разнообразными способами вносят вклад в интернационализацию социологии. Например, в период моего президентства (с 1998 по 2002 год) мы создали лабораторию для аспирантов, программу, которая значительно выросла с того времени и принесла положительные результаты, как показал диалог между опытными и молодыми учеными-социологами в Йокогаме.

Однако следует предпринять множество мер, чтобы создать поистине глобальную социологию, к которой МСА будет стремиться по двум основным причинам: во-первых, пропаганда роста глобальной социологии улучшает в целом качество социологической работы, делая ее более релевантной для всех без исключения. Во-вторых, сильная МСА вместе с другими международными научными сообществами помогает развивать демократическую систему управления, необходимую для того, чтобы наш мир стар лучшим местом для жизни.

Основные объект и цель социологии как науки не изменились, но, как и МСА, стали глобальными. В самом сердце социологии лежит ключевой вопрос, задававшийся Зиммелем: что делает общество возможным, а именно как можно способствовать кооперации, так чтобы удовлетворялись основные потребности, гарантировалось социальное воспроизводство, а конфликты получали разрешение. Эта проблема являлась основной для социологов-классиков, основателей МСА, социологов моего и последующих поколений. Этот вопрос до сих пор остается животрепещущим, но теперь, помимо прочего, на него нужно отвечать на глобальном уровне! Поэтому он стал в несколько раз труднее: социальный мир 21 века одновременно является единой системой и фрагментированным миром!

Классическая социология отличалась глобальной перспективой: это касается как теоретиков мировой экономики и общества вроде Маркса и Парето, так и великих компаративистов вроде Вебера и Дюркгейма. Но впоследствии, когда я учился в Беркли в конце 1960х и в начале 1970х, профессиональная социология стала все реже выходить за

>>

рамки государственных границ. Такое отношение потеряло рентабельность: современная глобализация не только предполагает, что мир является новым объектом исследования, но и требует, чтобы любое конкретное исследование (например, семейных паттернов в Европе и Африке или индустриальных отношений в китайской или бразильской фирме) не только являлось сравнительным, но и помещалось в глобальный контекст, так как все регионы мира становятся все более взаимозависимыми . Мир как таковой все больше проникает в каждый конкретный уголок планеты. Слово «глокальный» уже перестало быть неологизмом в нашем вокабулярии.

Социология сегодняшнего и завтрашнего дня не может не быть глобальной. Она обязана быть научной и критичной, ей необходима четкая идентичность, но в то же время она должна быть открыта к развитию междисциплинарного сотрудничества с другими социальными науками и помимо них с науками естественными. Выполнение последнего требования представляет собой ключевую институциональную цель Международного совета социальных наук (International Social Science Council (ISSC)), зонтичной организации, объединяющей международные организации и национальные исследовательские советы, работающие в области социальных наук. Последние флагманские работы МССН – в разработке которых участвовал и я как президент этой структуры – были посвящены развитию поистине глобального научного сотрудничества: недавно опубликованный Отчет о состоянии социальных наук в мире (World Social Science Report) ярко описывает состояние социологических исследований окружающей среды во всех регионах мира. Он доступен онлайн и заслуживает того, чтобы быть прочитанным. Тема третьего Всемирного форума социальных наук (World Social Science Forum) (он состоится в сентябре 2015 года в Дурбане) – глобальная справедливость. Я с радостью приглашаю всех социологов принять участие в этом важном международном форуме, который совпадет с переоценкой Целей развития тысячелетия. Рассчитанная на пять лет исследовательская программа «Будущее земли» будет совместно координироваться МССН и Международным советом по науке (ICSU), параллельной зонтичной структурой для естественных наук. МССН будет заниматься субпроектом «Трансформация устойчивого развития».

МСА, сама по себе и в рамках МССН и МСН, играет важную всемирную роль, стимулируя интеллектуально честный и профессиональный анализ различных измерений глобализации и предлагая эффективные решения проблем на мировой арене, таких как всемирное неравенство или глобальная справедливость. Вместе с другими международными научными ассоциациями МСА может предпринять ряд шагов, чтобы внести значительный вклад в создание глобальной демократической системы управления. Во-первых, в то время как самые влиятельные мировые акторы – такие как правительства, транснациональные корпорации, фундаменталистские религиозные и националистические движения – руководствуются собственными корыстными интересами, стремлением к власти и росту материальных доходов и исходят из своего ограниченного мировоззрения, международные научные ассоциации действуют в соответствии с универсалистскими ценностями. Каждый оценивается в соответствии с научными достижениями, способностью к преподаванию, профессиональной этикой, а не по таким параметрам как гендер, этничность, возраст или гражданство. Во-вторых, международные научные ассоциации могут служить в качестве важного противоядия догматизму и мракобесию. В научной работе мы привыкли сталкиваться с разнообразными и даже конфликтующими взглядами, подвергать противоположные мнения честной оценке по критериям логической непротиворечивости и эмпирического соответствия. Научный дискурс по своей сути антидогматичен и универсален. В-третьих, в то время, как рыночные преференции или дипломатические правила игры зачастую заставляют правительства и корпорации закрыть глаза на нарушения прав человека, международные научные организации, хотя и не обладающие неограниченной свободой, могут позволить себе сказать намного больше в защиту попираемых прав человека. МСА продолжит играть важную роль в защите свободомыслия, свободы слова, преподавания и научной деятельности. В-четвертых, международные научные ассоциации по социальным наукам, хотя и сталкиваются с распространенными проблемами гегемонии культур и языков, оказываются более осведомлены об опасности этноцентризма.

Мы описали наиболее очевидные способы, которыми МСА и другие международные научные организации могут внести вклад в создание демократического мирового управления и выступить в качестве положительного противовеса экономическому и культурному господству. Но чтобы быть более эффективными, эти ассоциации должны численно расти, а также развивать свои проекты и расширять спектр деятельности.

У МСА особая роль, так как социология как научная дисциплина обязана изучать сложность современных социальных отношений, помогать людям жить без войн в сложном мире, признавать единство в рамках разнообразия, поддерживать мир, дистрибутивную справедливость, личную свободу и культурный плюрализм. Социологи релевантны не только тогда, когда занимаются чистыми описаниями и интерпретациями социальных феноменов. Социологам можно доверять, когда они в качестве увлеченных и дотошных ученых стремятся к достижению более глобальных и широких целей. Наш пораженный конфликтами мир нуждается в хороших социологах, люди в беде нуждаются в хороших социологах, близорукие политики нуждаются в хороших социологах. Так давайте же выполнять нашу обязанность, мобилизуя талант и ресурсы мирового социологического сообщества! ■

Корреспонденцию просьба направлять Альберто Мартинелли по адресу alberto.martinelli@unimi.it

> “Позитивистский” манифест

Петр Штомпка, Ягеллонский университет, Краков, Польша, президент МСА в 2002-2006 гг.

Петр Штомпка.

Хотите – верьте, хотите – нет, Всемирный конгресс социологии в Йокогаме – мой одиннадцатый. Я вступил в МСА в 1970 году, в Варне (Болгария), на первом конгрессе, проводившемся в Восточной Европе. Теперь, сорок лет спустя, я постараюсь обратиться к прошлому и представить будущее социологии. Занимаясь социальной теорией, я все время выявляю общие тренды, и в этом случае я заметил два: один положительный, предоставляющий нам поводы для радости, другой негативный, даже опасный.

Великим достижением МСА стало ее распространение за пределы Западной Европы и Северной Америки, своеобразного центра социологии. В Нью-Дели на арену вырвалась Азия. В Мехико яркий и богатый мир латиноамериканской социологии предстал во всей красе перед публикой. В Брисбене и теперь в Йокогаме мы столкнулись с социологами из тихоокеанских стран, а африканская социология блеснула своей инновационностью в Дурбане. Мы превратились в поистине международную ассоциацию. И только Китайская народная республика, со всеми ее богатыми социологическими достижениями, стоит поодаль. Но участие китайских социологов в Йокогамском конгрессе – многообещающий знак...

Я надеюсь, что мы сможем стать не просто международной, а транснациональной организацией. У науки нет родины, и социология не должна знать государственных границ. Для меня словосочетания «французская социология», «бразильская социология» , «польская социология» не значат ничего субстантивного, не наталкивают на размышления. Все, что у них есть, – это административные коннотации. Я признаю «единую социологию для множества социальных миров». [1]

Почти глобальное присутствие социологического сообщества означает две вещи. Во-первых, наша исследовательская повестка чрезвычайно обогатилась, позволив нам увидеть многообразие форм жизни, ценностей и депривацией. Во-вторых, значительно повысилась эмоциональная и этическая сензитивность социологов по отношению к бедности, угнетению, дискриминации и исключению. Даже если в плане формальной логики оценочные суждения не следуют из фактов, в социологическом плане это так. Неопровержимые факты о самых темных сторонах человеческого существования мобилизуют моральный импульс, трансформируют ценности, вызывают отвращение. Я называю это социологическим, а не логическим, силлогизмом.[2] Оба эти последствия расширения МСА - повод для радости.

Все это так. Но, к сожалению, присутствует и другая тенденция: создание новых границ или построение прочных стен означает, что социологическое сообщество остается разделенным, несмотря на то, что критерии, по котором происходит сегрегация, изменились. На первом конгрессе с моим участием деление было геополитическим, и с социологами из Польши, Болгарии, Чехословании и России обращались, как с бедными родственниками. Очевидно, вина лежала на нас самих, прибывших из-за железного занавеса. Мы приезжали организованными

>>

«делегациями» с официальными «лидерами», избегали открытых дискуссий, представляли работы на мало внятные темы вместо обсуждения острых политических вопросов (мой собственный дебют на конференции в Варне заключался в презентации статьи о «телеологическом языке в социологии»).

Но в конце 1980х, когда рухнула железная геополитическая стена, выросли новые границы. Во-первых, они были основаны на глобальном классовом неравенстве: социологи из бедных стран Глобального Юга сплотились против социологов Севера, нередко демонстрируя антиамериканские настроения и недоверие к социологическому наследию Европы. Затем случилось разделение по принципу идентичности, ключевыми стали культурные, а не геополитические или классовые факторы. Иногда сегрегация носила гендерную природу, в то время как новый национализм, фокусирующийся на культурных корнях, породил языковые конфликты, участники которых решили бороться с так называемым «империализмом английского языка».

Все эти границы производят довольно мрачное впечатление. Однако они отражают реальные различия. Социологическое сообщество – микрокосм общества в целом, и оно старается подняться над вненаучными конфликтами и трениями. И хотя мы можем это понять, мы не можем этого простить.

Недавно случился очередной, внутренний разрыв, связанный с эпистемологическими разногласиями. Некоторые из нас, возможно, потаенное молчаливое большинство, полагают, что социология подразумевает ряд интеллектуальных усилий, чья цель – углубление понимания механизмов и паттернов социальной жизни, посредством систематических и методологически контролируемых исследований. Социология, понимаемая таким образом, близка к науке в строгом смысле этого слова, хотя у нее и есть очевидные особенности, роднящие ее с гуманитарными науками или даже с искусством. Будь эта точка зрения менее распространенной, на наших конгрессах было бы представлено гораздо меньше хороших социологических исследований со всех уголков планеты.

На другом полюсе эпистемологического водораздела стоит громогласное и видимое меньшинство, для которого социология является революционным проектом, нацеленным на массовую мобилизацию. Здесь же мы видим неприятие всей западной социологической традиции, а также предпочтение неуловимых «туземных социологий».

Социология как наука и социология ка действие, социология как универсальное знание и социология как опыт, зависящий от контекста. Именно по этой линии проходит основное разделение. Я прочно стою на стороне первого варианта. Майкл Буравой называет меня «последним позитивистом».[3] Я невероятно польщен: я предпочитаю быть «последним позитивистом», чем «последним ленинистом.» У социологов не получаются революции, а те, кто пытается их совершить, устраивают маскарад: одевают аспирантов в красные футболки или превращают лекции в политические демонстрации.

Самая большая услуга, которую социологи могли бы оказать бедным, эксплуатируемым и исключенным всего мира, – это проводить серьезные исследования о социальных механизмах и паттернах, ответственных за их судьбу. Если кто-то искренне желает изменить неравное и несправедливое общество, его или ее первая задача – понять это общество. Карла Маркса запомнят в истории не за «Манифест коммунистической партии», а за «Капитал», в котором он проанализировал классовые механизмы буржуазного общества. Он провел большую часть своей жизни в библиотеках, а не на баррикадах.

Фокус на научных ценностях – стремление к адекватным описаниям, обоснованным объяснениям, качественным интерпретациям, более глубокому пониманию общества через исследования и логические аргументы – приносит дополнительный плюс: предоставляет место для построения консенсуса в рамках социологического сообщества. Научные ценности объединяют, в то время как политические (будь то классовые или культурные) интересы являются источником разногласий.

Давайте вернемся к нашей работе, оставив политику политикам, а идеологию революционерам. Социологическая ассоциация не должна становиться ареной идеологических конфликтов, но оставаться ареной академических дебатов. Моя мечта заключается в том, чтобы МСА стала в большей степени научным сообществом, чем общественным движением, профсоюзом или политической партией, такой ассоциацией, в которой сессии напоминали бы академические семинары, а не политические демонстрации, где аргументы заменяют лозунги, а размышления предшествуют действиям, а не наоборот. Я бы хотел увидеть МСА, объединенную универсальными ценностями разума и поиска знаний, а не разделенную разнообразными интересами.

Как говорил Антонио Грамши, предсказывать в социальных вопросах означает действовать так, чтобы предсказания сбывались. Мы несем ответственность за то, чтобы спасти МСА от модных тенденций и политической корректности. Перефразировав известную цитату, которая, кажется, была по душе нашему последнему президенту, я говорю: «Социологи всех стран, соединяйтесь!». Конечно, все так, но не стоит забывать и последующие строки: «Вам нечего терять, кроме своих идеологических цепей, а обретете вы весь мир знания». ■

Корреспонденцию направляйте Петру Штомпке по адресу ussztomp@cyf-kr.edu.pl

[1] Sztompka, P. (2009) “One Sociology or Many?” Pp.21-29 in Sujata Patel (ed.) *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*. Los Angeles: SAGE.
[2] Sztompka, P. (2007) “Return to Values in Recent Sociological Theory.” *The Polish Sociological Review*, 3/159: 247-261.
[3] See our heated debate in *Contemporary Sociology* 40(4): 388-410.

> Дигитализация, дисциплинарные границы и зло

Мишель Вивьорка, Фонд «Дом наук о человеке», Париж, Франция, президент МСА в 2006 – 2010 гг.

Мишель Вивьорка.

Я очень горжусь тем, что был президентом МСА. Тот период действительно дал мне многое. Четыре года спустя мне хотелось бы сказать три важные вещи о нашей Ассоциации.

Во-первых, МСА всегда была известна нам как организация, открытая тем социологам, которым непросто присоединиться к нам по политическим причинам. Это касалось и коммунистических стран во времена Холодной войны, и это остается верным в отношении китайской ассоциации, что связано с дипломатическими трудностями, вызванными нашим сотрудничеством с тайваньской ассоциацией. Я рад тому, что эти трудности преодолеваются и на конгрессе в Йокогаме китайское и японское социологические общества организовали интересную программу, посвященную китайским реформам и проекту социальной трансформации.

Во-вторых, если мы, как социологи, признаем важность культурного разнообразия, то мы и сами должны его поощрять и пропагандировать! Поэтому во время своего мандата я постоянно боролся за многоязычие. Мы должны иметь возможность общаться не только на трех официальных языках, но и на других, в том числе на японском, раз мы встретились в Японии. В Мексике в 1982 году у нас было только два официальных языка: английский и французский. Однако под давлением наших коллег из Латинской Америки испанский стал третьим официальным языком МСА. И здесь, в Йокогаме, я ожидал увидеть реализацию этого пренципа, но этого не случилось.: плакаты нашего Конгресса выполнены исключительно на английском языке. Никто и не подумал проявить чуть больше изобретательности, вложить чуть больше сил и хотя бы пустить на экраны субтитры на японском – все субтитры были представлены только на английском языке. На президентских сессиях отсутствовал синхронный перевод. Конечно же, это немалые деньги, но экономические причины – не тот тип оправдания, который социологи должны принимать без критики. Если мы думаем, пишем и читаем только на английском, если в качестве президента мы выбираем только выходцев из западных стран, к чему же мы придем?

Есть реальная опасность «вестернизации» социологии, этноцентризма в видезападной или американской гегемонии. Нам необходимо критиковать универсалистские позиции, когда они всопроизводят формы господства. Мы должны обсуждать универсальные ценности, чтобы обновить и «перезапустить» их, но не для того, чтобы установить новый этноцентрический западный порядок в глобальном сообществе социологов.

>>

В-третьих: МСА – это институт, предоставляющий поддержку по производству и распространению знания. Да, мы любим МСА в ее ипостаси научного и интеллектуального пространства, с ее Исследовательскими комитетами (например), но нам также необходимы институты, которые помогут развивать нашу личную и коллективную деятельность. Социологические исследования не должны подчиняться никакого рода побочным интересам, будь то интересы экономические, идеологические или политические. Исследования должны руководствоваться принципами научного интереса, и исследователь, помимо прочего, должен осознавать и принимать определенную долю риска. Нам следует пропагандировать самые современные исследовательские методы и технологии. Я не против того, чтобы исследования приносили в том числе финансовую выгоду и на этом основании считались полезными. В течение многих лет я практиковал то, что Майкл Буравой называет «публичной социологией», а значит я не представляю собой тип изолированного ученого, укрывающегося в башне из слоновой кости. Но если мы собираемся производить и распространять знание и делать это ответственно, нам необходима свобода для рефлексии и критики – свобода, которая подразумевает существование институтов, которые смогут обеспечить необходимые для ее существования условия. Теперь, сказав это, я хотел бы обсудить три типа вызовов, с которыми сегодня сталкиваются социологи.

> Вызовы цифровой эры

Мы начинаем жить в мире, радикально изменившемся благодаря Интернету, новым технологиям и большим данным. Социология входит в новую эру: наш образ мышления, наши объекты, наши методы, парадигмы, аналитические инструменты меняются. Это означает, что перед нами открываются новые возможности. Нам придется работать иным образом, с другим акторами, в том числе представителями искусств, гуманитарных наук, естественных наук, и это будут совершенно новые формы сотрудничества. Изменяется и то, как мы пишем, и то, как мы публикуемся. Разворачиваются горячие дебаты на счет экономических моделей публикации, например тех, что включают в себя концепцию открытого доступа. Роль библиотек будет расти, но и видоизменяться, возможно, до неузнаваемости. В плане производства знаний нам будут бросать вызов другие акторы, способные мобилизовать гигантские интеллектуальные, финансовые и практические ресурсы. Возникнут новые формы неравенства, например, между теми, у кого есть доступ к большим данным и финансовым средствам для использования новых непростых алгоритмов, и теми, у кого их нет. В последние два десятилетия нам все чаще приходилось произносить слово «глобальный». Теперь мы вступаем в новую эру – эру не просто глобальную, но и цифровую.

> Опасности гиперспециализации и дисциплинарных границ

По всему миру социология набирает обороты. Молодые исследователи отличаются все лучшей подготовкой – в среднем намного лучшей, чем социологи моего поколения. Они более открыты миру. Они участвуют в научных сетях, их международная жизнь в разы богаче, чем это было три или четыре десятилетия назад. Но они также намного более специализированы. Нередко они занимаются анализом крайне узкой проблемы, разработкой конкретного подхода, оставаясь в стороне от широких социологических дискуссий, например, касающихся политических или исторических вопросов. Здесь мы сталкиваемся с трудностью: как нам избежать фрагментации и гиперспециализации? Как нам отойти от чересчур конкретного и перейти к общему? Это ключевой вопрос: нам необходимо научиться сочетать интерес к конкретным проблемам со способностью и желанием дискутировать на общие темы на мировом, региональном, национальном и локальном уровнях. Иными словами, мы должны быть не только социальными учеными, но и интеллектуалами. Нам не следует спокойно принимать тренд гиперспециализации. Наша ассоциация и наши встречи должны противодействоать этому тренду. Мы строим глобальное социологическое сообщество несмотря на наши государственные и институциональные аффилиации или научные ориентации. Действительно, в прошлом некоторые дебаты носили скорее идеологический, чем научный, характер. Но конкретные и узкие интересы не должны препятствовать нашему участию в общем научном обмене. Подобным образом, хотя мы и поощряем мультидисциплинарность, мы понимаем, что ни наши университеты, ни наши академические системы не поощряют ее. Социологи должны находиться на передовых позициях содействуя преодолению дисциплинарных границ и изоляции дисциплин.

> Перед лицом зла

Можно сказать, что я оптимист, ведь я верю, что общественные движения и конфликты создадут новые общественные отношения и смогут трансформировать институты. Но в той части света, где живу я, да и за ее пределами, я наблюдаю кризис, который представляется мне значительно более сильным, чем любой конфликт или общественное/культурное движение. То, что мы могли бы назвать анти-движениями – насилие, популизм, национализм, расизм, ксенофобия, фундаментализм, антисемитизм – на подъеме. Теория общественных движений должна включать в себя раздел о формировании и роли анти-движений. Как сторонник Турена, я всегда следовал этой линии анализа. Мы должны рассматривать зло как то, что непременно должно входить в наши исследовательские интересы. В настоящее время, изучение общественных движений и анти-движений является приоритетом для социологии. Мы должны включить субъективность индивидов, а также логику коллективного действия, и всерьез анализировать процессы субъективации, как и десубъективации. ■

Корреспонденцию направляйте Мишелю Вивьорке по адресу wiev@msh-paris.fr

> За фасадом дешевых томатов

Трудовые мигранты в Южной Италии

Миммо **Перротта**, Университет Бергамо, Италия

Мигранты на сборе урожая помидоров.
Фото Тициано Дория.

В сентябре 2013 года государственный французский телеканал France 2 выпустил репортаж об ужасающих условиях, в которых живут и работают мигранты, занятые на фермах Апулии в Южной Италии. Репортаж с заголовком «Урожай стыда» описал посев и переработку брокколи и помидоров, выращиваемых в Апулии и продаваемых во французских супермаркетах Auchan, Carrefour и Leclerc, тем самым напомнив французскому потребителю, что дешевизна его еды объясняется низкими заработками работников сельского хозяйства.

Другие европейские масс-медиа сходным образом фокусировались на мигрантах, занятых в сфере сельского хозяйства на юге Италии. В Норвегии была запущена кампания против эксплуатации сборщиков урожая томатов, которая заставила норвежские профсоюзы и сетевые супермаркеты направить итальянским профсоюзам и садоводческим союзам просьбу о введении и соблюдении «этических стандартов» в сельскохозяйственном производстве. Британский журнал The Ecologist опубликовал результаты двух журналистских расследований. В первом, (в августе 2011 г.) описывалась система поставок помидоров «пелати» (консервированных цельных томатов без кожуры). Урожай вручную собирают выходцы из Африки, затем он обрабатывается такими компаниями как Conserve Italia и La Doria, после чего продается в британских супермаркетах (Sainsbury's, Waitrose, Tesco, Morrison's). Во втором расследовании (февраль 2012 г.) анализировалось положение сборщиков цитрусовых в Калабрии, а компания Coca-Cola контролируемый ей бренд Fanta Orange призывались публично объявить цену, которую они платят калабрийским продавцам апельсинов

Если верить этим журналистским расследованиям, сель-

>>

ское хозяйство Южной Италии характеризуется низкой оплатой труда, деспотичным контролем за работой трудовых мигрантов, вынужденных жить в заброшенных деревенских домах или в гетто и трущобах, полулегальной работой, вездесущим присутствием подрядчиков (caporali), и давлением, способстсвующим снижению цен на сельскохозяйственную продукцию, которое оказывают крупные торговые сети на местных производителей. В действительности условия, в которых живут и работают работники сельского хозяйства в других странах Европы, не намного лучше: трудовые мигранты в этой сфере сталкиваются с тяжелыми условиями по всему континенту, так как европейское сельское хозяйство имитирует «Калифорнийскую модель» интенсивного сельского хозяйства, предполагающую интенсивную эксплуатацию иммигрантов.

С 1970х гг. Южная Италия остается одним из основных регинов привлечения иностранных иммигрантов. В сельском хозяйстве на эге Италии по официальной статистике занято около 110 000 иностранных рабочих и как минимум столько же нелегалов: тунисцев и марокканцев (в основном в парниках на Сицилии и в Кампании), индийцев (в основном в скотоводстве), а также выходцев из Северной Африки и Восточной Европы.

В регионах Апулия и Базиликата, где я проводил полевые исследования, пик спроса на сельскохозяйственную рабочую силу приходится на период между июнем и октябрем, в особенности на время сбора урожая. Томаты направляются на заводы в Кампанию, где превращаются в «пелати», один из самых известных и экспортируемых итальянских продуктов питания. Каждое лето от 13 до 20 тысяч мигрантов, в основном выходцев из Северной Африки, а также Центральной и Восточной Европы, приезжают в эти регионы в поисках работы. Некоторые североафриканские работники пережили ужасающие путешествия через Сахару и переплыли Средиземное море. Многие следуют целому циклу сбора урожая в Южной Италии, собирая цитрусовые зимой в Калабрии и клубнику весной в Кампании. У некоторых африканских мигрантов есть вид на жительство, так как они много лет работали на заводах Северной Италии. Уволенные во время экономического кризиса, они теперь разыскивают работу на юге страны.

Восточные европейцы нередко переезжают в Италию на постоянное место жительства. Выходцы из Румынии – самая многочисленная группа иностранцев в Италии. В периоды наибольшего спроса на рабочую силу многие временно переезжают на юг из других частей Европы или из своей родной страны, куда они возвращаются по окончании сбора урожая помидоров. В течение периода сбора урожая сезонные работники живут в гетто в сельской местности. Помимо редких «гуманитарных вмешательств» с ними редко общаются представители профсоюзов или местных учреждений. Как только заканчивается сезон, они переезжают в другие гетто в других регионах.

Расселение и трудоустройство мигрантов нередко организовывается неформальными подрядчиками в сфере сельского хозяйства, так называемыми капорали (caporali), которые нередко являются выходцами из тех же стран, что и рабочие, и обеспечивают своевременную «доставку рабочей силы» туда, где она наиболее необходима. Капорали предоставляют услуги рабочим и их работодателям. Они предоставляют (временное) жилье на время период сбора урожая, транспортировку на поля, вокзалы и в супермаркеты, а также еду, воду и кредиты.
Но важнее всего то, что капорали контролируют рабочий процесс, и работодатели платят им, а не работникам. За каждый трехсоткилограммовый контейнер томатов один подрядчик получает от 3,5 до 6 евро. Затем он платит рабочим – то, что останется за вычетом подрядческого налога, стоимости транспортировки на поля и всего, что работники задолжали за жилье, еду или воду. При такой системе самые сильные и опытные работники получают от 80 до 100 евро в день, а слабые – лишь около 20.

Власть капорали основывается на разделении рабочей силы и на отсутствии «конкурентов»: в отличие от других частей Италии и Европы, такие государственные меры как сезонные квоты на рабочих, центры занятости или «формальные» частные посредники (кооперативы и агентства по поиску временной работы) не оказывают практически никакого влияния на ситуацию. Экономический кризис интенсифицировал конкуренцию между работниками из разных стран с разным юридическим статусом – обстоятельство, также усложняющее организацию какой-либо формы коллективной деятельности.

Трудовые мигранты разрабатывают разные стратегии в связи с непростыми условиями труда, деспотичным контролем рабочего времени и низкой оплатой труда. Наиболее плодотворным ресурсом для граждан Румынии и Болгарии является их мобильность: так как они обладают свободой передвижения по Европе, они могут неограниченно перемещаться между Восточной и Западной Европой, а также уезжать в другие страны для поиска новой работы. В другой ситуации находятся иммигранты из африканских стран, чей более прекарный юридический статус создает множество трудностей, в том числе конфликтов на рабочем месте, «этнических» конфликтов (таких как «восстание в Росарно» в Калабрии, имевшее место в яныварe 2010 года) и профсоюзных конфликтов (таких как забастовка иностранных работников в Нардо (Апулия) в 2011 году)

В 2014 году все эти конфликты, наряду с кампаниями в европейских масс медиа, НКО, различными организациями по защите прав мигрантов, заставили региональную администрацию Апулии и Базиликаты пообещать разместить работников сельского хозяйства в специальных приемных пунктах, поощрять поиск работодателями рабочей силы через государственные центры занятости, а также создать новые «этические» бренды консервированных томатов и другой сельскохозяйственной продукции. В течение сбора урожая томатов в 2014 году эти формы вмешательства не обвенчались успехом. По-прежнему работодатели предпочли нанять работников при помощи подрядчиков капорали. Более того, практически никто из работников не захотел жить в специальном центре, боясь потерять работу, которую предлагают капорали, расселяющие работников в гетто. ■

Направляйте корреспонденцию по адресу domenico.perrotta@unibg.it

> Борьба с кооперативами

Мигранты на передовой линии

Деви Саккетто, Университет Падуи, Италия

Забастовка против кооперативов и криминализации недокументированных рабочих-мигрантов.

Государственная комиссия Италии по забастовкам контролирует право на забастовки и следит за его соблюдением. Она также защищает потребителей от забастовок в сфере так называемых коммунальных услуг, в сфере транспорта, жизненно необходимых учреждениях здравоохранения, локальных и общегосударственных экстренных службах. В 2013 году, обсуждая последствия забастовок в логистическом секторе промышленности, комиссия вынесла решение о том, что молоко входит в пакет базовой продукции и препятствие транспортировки любого бренда молока – несмотря на доступность других брендов – является саботированием жизненно необходимой коммунальной услуги. Когда несколько сотен работников-мигрантов, нанятых фирмой Granarolo Logistics с центральным офисом в Болонье, устроили забастовку, Комиссия наложила вето на их действия. Многие бренды молока доступны в любом итальянском супермаркете. Возможно, молоко действительно является базовой потребностью, но трудно описать бренд Granarolo как что-то совершенно незаменимое.

Итальянские кооперативы были сформированы в конце 19го века как форма самозащиты рабочих, надеявшихся избежать как худших форм эксплуатации, так и эмиграции из Италии. К началу 1920х кооперативная система уже настолько прочно устоялась, в особенности в Северной и Центральной Италии, что даже фашистский режим не нашел смелости поднять на нее руку. Однако, в последние десятилетия наблюдалось разрастание кооперативов, и их участие в новой деятельности расширялось по мере того, как они стали превращаться в суб-подрядчиков крупных фирм. Кооперативы все чаще отвечают на запросы компаний, сдающих в аренду значительные части своих производственных линий.

В результате этого сдвига условия работы в кооперативе – как для партнеров-работников, так и для тех, кто партнером не является – ухудшились, в то время как кооперативная демократия и степень участия партнеров и управляющих комитетов кооперативов ослабились. Сегментация рабочей силы по этническому принципу часто является первым шагом на пути к дезинтеграции солидарности в рамках любого кооператива. В 2011 году рабочая сила

>>

43 000 кооперативов Италии насчитывала около 1,3 миллиона человек, около 7,2% работающих по найму. Их ежегодный оборот достигал 140 миллиардов евро, 7% ВВП Италии. Кооперативы наиболее важны в сфере логистики, крупной розничной торговли, строительстве, вспомогательных персональных услуг и сервисных компаний. В логистическом секторе около четверти всей рабочей силы заняты в кооперативах, функционирующих в качестве субподрядчиков национальных и мультинациональных предприятий. В логистическом секторе некоторые кооперативы играют роль законных временных кадровых агентов.

Многие компании осуществляют аутсорсинг значительных сегментов своего производственного процесса кооперативам, чтобы снизить стоимость и повысить конкурентную способность. У кооперативов остается все меньше пространства для защиты равных прав даже среди своих партнеров, не говоря уже о тех, кто партнером не является. В крупных областях Северной Италии местные государственные учреждения, кооперативы и профсоюзы тесно связаны, занимают сходные или идентичные позиции, стремясь сохранить «социальную гармонию» и поддержать локальные производственные интересы. Католические и бывшие коммунистические кооперативы теперь входят в единую ассоциацию “L’alleanza delle cooperative italiane” (Альянс итальянских кооперативов), которая включает в себя более 90 % всех итальянских кооперативов. Все они подчиняются императиву эффективности. Legacoop (в прошлом – коммунистическая) и самая значительная Конфедерация «Альянса» также владеет одним из крупнейших итальянских служб временной занятости , Obiettivo Lavoro.

Протесты грузчиков, занятых в кооперативах, работающих на Granarolo Logistics, – это лишь одна из целой серии забастовок, повлиявших на процесс поставок продукции в Северной Италии в 2011-2014 годах. Многие бастующие – мигранты из Северной Африки, которых в последние годы все чаще нанимали кооперативы-субподрядчики. В некоторых случаях бастующих увольняли. Они подвергаются постоянному риску лишения вида на жительство в Италии и превращения в нелегальных иммигрантов.

Первый значительный протест произошел летом 2011 года в Пьяченце, неподалеку от Милана, когда рабочие, в основном мигранты, работающие в кооперативе-субподрядчике крупной транспортной компании, прекратили работу и выступили с протестом против повышениеянормы выработки без соответствующего повышения зарплаты и против систематического нарушения своих прав. Официальные профсоюзы не отреагировали на протест. Несмотря на это, он все же увенчался успехом: рабочим удалось заключить государственный контракт, добиться повышения зарплаты, получения выходных и больничных. Положительный исход забастовки вдохновил последующие протесты.

Самая значительная кампания протеста развернулась в 2012 году, на складе Икеа в Пьяченце. Работники кооператива, в основном выходцы из Северной Африки, потребовали прибавку к зарплате, снижение темпов работы, а также заключения стандартного трудового договора. Работники устроили сидячую забастовку около склада продукции. Приехавшая полиция разогнала демонстрацию, избив протестующих. Через несколько месяцев регулярных забастовок подобного рода в магазинах и складах Икеа по всей Италии рабочим удалось добиться улучшения условий труда. Их примеру вскоре последовали работники других торговых центров Икеа. Это движение отличалось выраженным глаза стихийным характером, сидячими забастовками, демонстрациями на транспортных узлах в промышленном сердце Италии, в том числе в Пьяченце, Болонье, Падуе и Вероне. Студенты университетов, молодые прекарные работники, а также активисты левых социальных центров помогали рабочим во время этих забастовок и демонстраций, протестуя против использования кооперативов как источника дешевой временной рабочей силы. Несмотря на это, успех кампании объяснялся в основном тем, что протестующие полагались на каналы коммуникации в кварталоах где проживают североафриканские иммигранты и вдохновлялись примером массовых демонстраций Арабской весны.

Многие рабочие-мигранты прекрасно осведомлены о производственных циклах кооперативов-субподрядчиков и благодаря этому смогли минимизировать свои финансовые потери, при этом максимизировав потери компаний. Более того, они работали вплотную с рядовыми профсоюзными деятелями и активистами. Однако многие рабочие-мигранты также находятся в поиске новых форм самоорганизации: они рассматривают традиционные профсоюзы как акторов, заинтересованных в поддержании статуса кво, позволяющих менеджерам заниматься аутсорсингом и поиском субподрядчиков. Неудивительно, что работники хотят избавиться от системы кооперативов-субподрядчиков, так как считают, что легче добиться своих целей, оказывая сопротивление компании напрямую

Однако, эти события, кажется, не вызвали переоценки ситуации со стороны итальянского кооперативного движения в целом, несмотря на убежденность активистов в том, что заключение договоров субподряда не имеет ничего общего с традиционными кооперативами. Короче говоря, кооперативное движение в Италии значительно отклонилось от своих изначальных целей и идеалов. Мигранты напоминают всем нам об этом несоответствии – прошедшая 16 октября 2014 года всеобщая забастовка работников логистического сектора оказалась крайне успешной.■

Корреспонденцию направляйте Деви Саккетто по адресу devi.sacchetto@unipd.it

> Как молодые итальянцы справляются с экономическим кризисом

Луиза Леонини, Университет Милана, Италия

Микаэль, 22 года, уже почти год работает официантом по временному трудовому договору в известном винном баре в фешенебельном районе Милана. Он нашел эту работу через социальные сети: его отец работает клерком в магазине в том же районе. Хотя его основная обязанность состоит в «приготовлении закусок», Микаэль чувствует, что «растет» и получает все больше опыта и знаний в своей области. В частности, Микаэль выразил признательность своему работодателю, который учит его основам искусства сомелье – специалиста по винам. По мнению Микаэля, эта работа является первым шагом к поступлению на профессиональные курсы и получению формальной квалификации сомелье. В целом Микаэль доволен нынешней работой, и она позволяет ему откладывать небольшую сумму каждый месяц и думать, что однажды он откроет собственный бизнес.

Во время интервью Микаэлю был задан вопрос о том, что значит для него быть взрослым. Вот что он ответил:

Микаэль: Взросление означает в первую очередь ответственность. Нести ответственность. Потому что каждый может сказать: «Я взрослый, мне 21 год, у меня есть машина». Но это ничего не значит! Ты не взрослый, если ты не знаешь точно, что хочешь делать в жизни. Ты не взрослый, если ты не...не знаю, как сказать... для меня взрослость связана с работой, понимаете, с работой и ответственностью, за семью. По сравнению с моими друзьями, например, я думаю, что я более зрелый.

Исследователь: Что вы имеете в виду под «зрелостью»?

Микаэль: Быть зрелым для меня тоже значит быть взрослым... Потому что я забочусь о своей семье, я оплачиваю счета, я забочусь о маленьких детях сестры, я готовлю, убираю дома и хожу на работу! Вы знаете, мало кто их парней моего возраста это делает! Но самое важное, у меня есть амбиции, потому что я хочу открыть свой бизнес, и я стараюсь делать все, чтобы устроить дела так, чтобы достичь этой цели.

Микаэль, как и другие респонденты, определяет взросление через взаимозависимость с другими понятиями, такими как способность заботиться о других, нести ответственность за себя и свою семью. Этот нарратив взросления противопоставляется легкомыслию молодости в областях потребления и социальной активности. Традиционное «комплексное» определение взрослого человека через работу, семью и родительство значительно повлияло на взгляды Микаэля. Этот специфический нарратив, однако, подкрепляется специфической позицией, которую он занимает в семье: по причине развода родителей и ранней беременности сестры Микаэль воспринимает себя как члена семьи, наиболее подходящего для поддержания благосостояния семьи. Рамки контекста усложняют для Микаэля получение опыта легкомысленной юности, столь характерного для жизни его друзей. Кроме того, этот молодой человек способен удерживаться на относительно стабильной работе с хорошим доходом. Вследствие всего этого Микаэль рассматривает сложности и усилия, требуемые от него семейной ролью, как важные маркеры взрослости и мужественности.

По сравнению с большинством друзей Микаэль занимает относительно привилегированную позицию на рынке труда в контексте экономического кризиса, и это позволяет ему откладывать деньги и мечтать о будущем, где накопления превратятся в экономический и символический капитал.

Вторая группа наших информантов совсем по-другому понимает взросление. В противоположность Микаэлю, они определяют взрослость как автономию в области досуга и потребления, отвергая идею накопления и подчеркивая, что стать мужчиной – значит научиться ежедневно «сводить концы с концами», справляться с неопределенностью

>>

“потребление - основное пространство достижения самооценки и признания”

и уязвимостью в жизни и на работе. Все же дискурсивные позиции этих молодых людей немного смещены, так как они все еще ценят традиционную «взрослость». Однако несмотря на это данная группа склонна подчеркивать, что взросление – это осознание того, что «каждый день может оказаться твоим последним». Как и для предыдущей группы, для этих молодых людей характерен низкий уровень образования (и часто перерывы в образовании). По большей части они работают в экономических секторах, которые сильнее пострадали от негативных последствий экономического спада, или же на низко квалифицированных позициях – строительные рабочие, уборщики, официанты, грузчики и т. д. – с высоким уровнем прекарности.

Наша гипотеза, хоть и требует дальнейшего исследования, заключается в том, что для этой группы переход во взрослую жизнь определяется в терминах открывающихся возможностей.

Федерико: Я работаю по десять часов в день, пять дней в неделю. Это на десять часов больше, чем написано у меня в контракте. И знаете, сколько я зарабатываю? 600 евро в месяц. Я не вижу иной перспективы в парикмахерском секторе, чем открывать свой бизнес. Ладно, я здесь работаю всего год, но моя коллега работает тут 18 лет и зарабатывает 1300 евро, а на 1300 евро не проживешь!

Исследователь: Как вы поступаете с заработанными деньгами?

Федерико: Сначала я купил машину! Потом потратил деньги на одежду. Ты видишь что-то, что тебе нравится, и покупаешь, я об этом не очень много думаю... Я как вол работаю за эту жалкую зарплату. Это мои деньги, так что я иду и что-то покупаю...

Исследователь: Вам удается что-то скопить?

Федерико: Если мне удается что-то накопить, я трачу это на татуировки, это моя страсть. Я надеюсь, что у меня будет татуировка во всю руку, но, знаете, татуировки денег стоят [смеется].

Для второй группы молодых работников потребление и досуг являются важными областями инвестиций. Они позволяют им проявлять взрослые идентичности с индивидуальной точки зрения через чувство достатка и большей автономности. Может показаться противоречивым следующее: более низкие зарплаты и менее радужные перспективы приводят к росту субъективной значимости потребления и неумению экономить, которые характерны для этой категории молодых людей. Однако, если учесть спектр их возможностей и ограничений, возможно, потребление – основное пространство, где эти молодые взрослые могут получить признание и почувствовать собственное достоинство, где они могут испытать «взрослое» чувство достаточной независимости и автономии. ■

Корреспонденцию направлять по адресу: luisa.leonini@unimi.it

> Фриланс в Италии

Алессандро Гандини, Миланский университет, Италия, член ИК 22 по социологии профессиональных групп (RC52)

Коворкинг в Турине: сообщество фрилансеров

В последние несколько десятилетий креативная и культурная индустрия пережила подъем, что послужило причиной для появления большого числа связанных с медиасферой профессий, которые известны в широкой массе под общим названием «креативный класс». Сейчас все эти трудовые ресурсы переходят на работу на проектной основе или не по контракту, иногда из-за отсутствия альтернатив, но также все больше по собственному выбору: эти работники ищут баланс между профессиональной и приватной сферами жизни в прекарных условиях существования.

В Милане фриланс в индустриях знания и творчества представляют собой хрестоматийный пример расцвета трудовых ресурсов, направленных на инновации и привлекательность. Важно, что для профессионального успеха, по всей видимости, необходимо иметь хорошую репутацию. Журналисты, консультанты, специалисты по связям с общественностью, видеопродюсеры – все свободные профессионалы, находящиеся где-то между финансовой уязвимостью и предпринимательством – должны практиковать брэндинг самих себя, чтобы запустить цепочку «экономики репутации», которая требуется для получения заказов и успешного утверждения себя в рыночной среде. В основном это происходит при взаимодействиях лицом к лицу и через сетевую активность в социальных СМИ, что становится все более важным, так как все чаще взаимодействие происходит на расстоянии. Однако усилия, направленные на создание репутации, часто оборачиваются «чрезмерной работой», дополнительными часами и давлением на достижение результата. Этот факт бросает вызов общепринятым предположениям о качестве работы и удовлетворенности ею в этом секторе.

Стремительное распространение фриланса ярко выражено в европейской статистике по трудоустройству. Внештатная работа, с одной стороны, удовлетворяет растущую потребность в независимости и самостоятельной организации трудовой жизни, а с другой – объясняет свою популярность «традиционной» материальной выгодой.

Более чем через десять лет с момента победоносного распространения идеи «креативного класса» политика, поощряющая индивидуальное предпринимательство, стала формировать рынок труда, по большей части состоящий из профессионалов, работающих на проектной основе и вне штата, в основном живущих в городах и поддерживающих шаткий баланс между финансовой уязвимостью и индивидуальным предпринимательством. Несомненно, Милан – образцовый пример подобного развития.

>>

> Фрилансеры Милана

Для данного исследования мы брали интервью у фрилансеров – городских работников сферы знаний и творческой сферы в возрасте от 19 до 60 лет, независимых профессионалов в областях коммуникаций, связей с общественностью, медиа и дизайна. Данные показывают, что эти «фрилансеры», то есть люди, работающие по заказу и на временных работах на различных уровнях – получают валовой доход в размере 32 000 евро в год. Однако за этим средним значением кроется значительная поляризация заработков: более половины информантов зарабатывает менее 30 000 евро в год.

Фриланс в Милане часто рассматривается как второй по привлекательности выбор, так как в значительной степени предпочтение все же отдается стандартной подчиненной занятости. Один из респондентов, PR-консультант, женщина, относящаяся к возрастной групп 40-50ти лет, считает наём внештатных сотрудников хорошей стратегией, позволяющей меньше платить работникам и предполающей, что престиж » работы обычно маскирует несправедливые условия труда. Подобным образом, миланский журналист-фрилансер 20 с небольшим лет считает фриланс в Милане «состоянием, которого нужно избегать».

Тем не менее, некоторые респонденты характеризуют фриланс как возможность большей свободы и самостоятельной организации труда, и оба этих аспекта внештатной работы считаются очень приятными. Женщина средних лет, специалист по коммуникациям, говорит, что работать вне штата означает вернуть себе свое время, так как сильное чувство связи между личными и профессиональными отношениями позволяет поддерживать баланс между личной жизнью и работой.

> "Экономика репутации"

Работа не по контракту вызывает смысловые ассоциации с «социализацией», так как требует, чтобы значительная часть работы делалась посредством управления социальными отношениями, передачи из уст в уста, рекомендаций, приглашений и, наконец, личной репутации в профессиональной сети. Действительно, личная репутация в профессиональных сетях представляется элементом, определяющим профессиональный успех и карьерный рост независимого фрилансера. Важность сетей подтверждает, что практики личного брэндинга необходимы для прибыльного развития образа «индивидуального предприятия».

Так, например, женщина 48 лет, консультант, сообщает, что ее профессиональная репутация оказалась под угрозой, когда она решила «изобрести себя заново», уйдя с предыдущей работы в разгар кризиса. После увольнения она стала устанавливать контакты и социальные отношения с теми, кто, по ее мнению, имел хорошую репутацию и был актуален в данном профессиональном контексте. Такая «работа над отношениями» принесла ей первый заказ, который впоследствии путем распространения по сети привел к регулярным предложениям работы. Некоторые предложения приходили напрямую через социальные сети – работодатели находили ее часто обновляемый профиль в сети LinkedIn, также она занималась профессиональным менеджментом своего Twitter-аккаунта. Повседневность и задачи фрилансеров в экономике знаний, таким образом, резко отличаются от традиционных обязанностей «подчиненной» занятости.

Карьеры «без ограничений», «построенные на портфолио», процветают в индустрии знаний. Уровень включенности фрилансера в социальные сети, где информация по большей части передается из уст в уста, становится ключевым фактором при поиске работы. Профессиональный образ в социальных сетях становится инструментом для успешной профессиональной жизни, так как цифровое измерение способствует построению сетей и помогает выработать репутацию для сотрудничества на расстоянии.

> Коворкинг – это решение?

Так как крупные фирмы нанимают все меньше творческих работников, фрилансеры и частные предприниматели призваны формировать новые модальности коллективного построения отношений – которые, в свою очередь, будут влиять на индивидуальные шансы получения заказа или работы – и управления своим социальным капиталом.

Однако такая перспектива также увеличивает количество работающих на дому. Хотя ряд информантов выражает удовлетворенность такими условиями труда, у многих работников они вызывают растущее желание отдохнуть от рутины надомной работы, отчуждающей их от общества. В этом контексте появляются новые организационные механизмы. Так, например, один молодой специалист объясняет свое решение снимать вместе со своим деловым партнером квартиру тем, что одна одновременно является их жильем и офисом их стартапа.

По всей видимости, в ответ на некоторые проблематичные аспекты фриланса в городах возникают новые проекты организации труда. Самый известный из них – расцвет коворкингов, коллективных пространств, где можно арендовать рабочее место и офисное оборудование, при этом общаясь с другими фрилансерами. Как и в других крупных мегаполисах, в Милане появляется все больше разнообразных коворкингов. Существуют разные виды коворкингов: некоторые из них – локальные маленькие пространства, в которых сидят специалисты по рекламе и PR; другие организованы крупными игроками по франчайзинговым моделям с целью развития социального предпринимательства и социальных инноваций. В этих коворкингах работники не просто находятся в одном пространстве, но вырабатывают то, что называется «открытым подходом к работе» и что способствует возникновению коммунитарных отношений в сфере занятости. ■

Корреспонденцию направлять по адресу: alessandro.gandini@unimi.it

> Зыбучие пески сектарианизма в Ливане

Рима Майед, Американский университет Бейрута, Ливан

Участники протеста против сектарианизма под лозунгом "Laïque Pride," объединяющим секуляризм и гей-прайд.

«Многое в Ливане кардинально изменилось… Вчерашние враги сегодня вдруг стали союзниками и наоборот… Суннитско-шиитский раскол –приобрел новые черты … Особенно после убийства Рафика Харири. Дискурс о внутримусульманском расколе раньше не существовал. Мы просто знали, что мы мусульмане, что мы боремся против христианского политического проекта в нашей стране… А теперь некоторые христиане превратились в наших союзников. Теперь мы боремся с политическим проектом суннитов»

Хасан, шиит, борющийся с партией Амала[1]

Хотя религиозные различия (сектарианизм) в целом подразумевает стабильные социальные и политические отношения, организованные по жестким фракционным границам, в Ливане эти отношения подверглись значительным изменениям за короткий период времени. Такая быстрая реконфигурация фракционных дихотомий заставляет нас задаться рядом важных вопросов. Что такое сектарианизм, и что он означает в ливанском контексте? Почему фракционные дихотомии так стремительно изменились в стране, где политическая система покоится на жестком балансе власти между разными группами?

Убийство бывшего премьер-министра Рафика Харири 14 февраля 2005 года было чем-то вроде политического землетрясения, которое в одночасье смело все доселе существовавшие фракционные границы. Это событие вызвало крупнейшие демонстрации за всю историю страны, разделившие ее на два лагеря: «Коалицию 8 марта», поддержавшую союз с Сирией и обвинившую США и Израиль в убийстве Харири; и «Коалицию 14 марта», напрямую обвинившую сирийский

>>

режим в поддержке убийства. Изначально, события, последовавшие за убийством Харири, казались загадочными: в обе новые коалиции вошли партии, которые еще за пару лет до этого были непримиримыми врагами. Антисирийская коалиция состоит из достаточно разношерстных групп: христианских, друзских и суннитских сообществ. Просирийские группы в основном состояли из шиитов, сторонников партий Амал и Хезболла, к которым спустя год присоединилась преимущественно христианская партия Свободного патриотического движения. Впервые со времен гражданской войны 1975-1990 гг. главная христианская и мусульманская партии объединились ради решения политического вопроса.

Хотя поначалу много внимания обращалось на примирение двух конфессиональных групп, все углубляющийся разрыв в стране был вскоре переопределен как конфликт «суннитов» и «шиитов». В мае 2008 года политический кризис в стране вырвался из-под контроля. 7 мая боевики партии Хезболла и их сторонники мобилизовались для захвата столицы страны, Бейрута. Волна насилия вскоре захлестнула и другие части страны, утопив в крови Триполи и Шуф. Хотя многие фракции (некоторые друзские, христианские и алавитские партии, в дополнение к нефракционным партиям вроде Сирийской социалистической националистической партии) участвовали в столкновениях, в целом конфликт репрезентировался как «суннито-шиитский».

Сектарианизм и политика в Ливане – две стороны одной медали. Политическая организация общества в соответствии с фракционным делением и принятие консоциативной демократии в качестве основы политической системы способствовали переплетению политики и фракционных идентичностей. Помимо этого, большая часть политических партий пользуются поддержкой сообществ с ярко выраженной идентичностью и четкими границами, что позволяет превратить политические конфликты в конфликты фракционные. Однако, актуальность фракционных делений в основном зависит от способности противоборствующих групп конкурировать за поддержку и политическое влияние, экономическую или военную силу.

При попытках проанализировать ситуацию в ливанском обществе упор чаще всего делается именно на сектарианизме. При этом политические и экономические факторы, подогревающие это явление, редко принимаются во внимание. Хотя все фракционные идентичности могут быть социально релевантными, лишь некоторые становятся политически актуальными. Иными словами, для понимания динамики ливанского общества важен не сектарианизм как таковой, а его политизация.

Даже на индивидуальном уровне фракционные идентичности оказываются глубже религиозных аффилиаций, подразумевая очевидные политические и социальные коннотации. В ливанском контексте «суннит» или «шиит» - это не только конфессиональная принадлежность (переданная по наследству), но – что более важно – политическая аффилиация, общественную принадлежность, причастность сообществу. Фракционная и политическая идентичность часто используются как взаимозаменяемые понятия. Это объясняет, почему христианская идентичность потеряла политическую релевантность в более широком сектарианском дискурсе, хотя она остается социально релевантной. Тот факт, что христианское сообщество политически разделено между коалициями 8 марта и 14 марта сделало его менее актуальным в вопросе политической поляризации в стране. Этот пример показывает, что содержание и границы ливанских социальных фракций находятся в состоянии непрерывного изменения. Идентичности находятся в постоянном процессе утверждения и переутверждения по мере смещения политических границ, что совершенно переворачивает представления о «примордиалистской» природе сектарианизма, якобы врожденного и неизменного.

Хотя убийство Харири стало поворотным моментом, реконфигурировавшим ранее существовавшие фракционные отношения, случившиеся изменения в первую очередь объясняются трансформировавшимися социоэкономическими и политическими переменными, в дополнение к изменившейся геополитике на Ближнем Востоке и роли таких сил как Иран, Саудовская Аравия, Сирия, Израиль и США. Все снижающаяся релевантность исторического разрыва между христианами и мусульманами и углубление противоречий между суннитами и шиитами можно объяснить политическим ослаблением «христиан» и укреплением власти «шиитов»

Таифские соглашения об окончании гражданской войны в 1990 году внесли поправки в конституцию и наделили большей политической властью «суннитов», военной – «шиитов», а также маргинализировали «христиан», ограничив роль президента республики. Социально-экономические факторы также внесли свою лепту в изменение фракционного дискурса. Восходящая мобильность сообщества шиитов через урбанизацию и миграцию превратило многих шиитских лидеров в ключевых инвесторов и важных акторов в ливанской экономике. Подобным образом, поствоенная неолиберальная политика реконструкции Харири реструктурировала классовые отношения в Бейруте, создав новый класс экономических элит, возникший за счет старых бейрутских (по большей части христианских и суннитских) землевладельцев и бизнесменов. Наделенные политической властью Таифскими соглашениями, сообщества ливанских суннитов и шиитов после гражданской войны превратились в две ключевые группы, способные к борьбе за власть.

Как и везде, ливанский конфликт по своей сути является экономическим и политическим. Конфликт принимает разные формы, пересекаясь с идентичностями, но это пересечение вовсе необязательно превращает конфликт в войну идентичностей. Ключ к анализу фрагментированного общества – это признание изменяющейся природы сектарианизма и внимание к структурным факторам, превращающим его в политически актуальную стратегию в определенные исторические моменты (но не всегда). Такой подход, несомненно, особенно необходим сегодня при анализе конфликтов в арабском мире и в условиях разрастания экстремистских движений, таких как Исламское государство Ирака и Леванта. ■

Корреспонденцию направляйте по адресу: Rima Majed rima_majed@hotmail.com

> «Горький урожай» табака в ливанской зоне военных действий

Мунира **Хайят**, Американский Университет в Каире, Египет

Нанизывание свежесобранных листьев табака для последующей просушки - надомная работа женщин, детей и иногда стариков
Фотография Муниры Хайят.

В последнее время мы постоянно слышим в новостях, что арабский мир захлёстывают волны насилия. В особенности это касается маленького бурлящего уголка ближневосточного Средиземноморья, где не прекращается война в Сирии и Ираке, распространяясь все дальше. В таких условиях трудно (а, быть может, и вовсе невозможно) заметить более постоянные циклы практик, воспроизводимые из года в год и поддерживающие жизнь простых людей в негостеприимных и опасных условиях. Один из таких крайне устойчивых циклов – культивация и сбор урожая табака, который и этим летом покрыл зеленью холмы Южного Ливана. Июнь, июль и август – сезон выращивания табака на засушливых возвышенностях Южного Ливана – традиция, не менявшаяся здесь веками. Урожай табака вновь и вновь помогает неунывающим жителям этого неспокойного приграничного региона сводить концы с концами и, в конечном итоге, выживать.

Табак, именуемый местными жителями «горьким посевом», выращивается фермерами на склонах холмов Южного Ливана для государственной монополии Régie Libanaise de Tabacs et Tombacs, которую местные жители упорно называют Régie. Да, табак – отвратительный, трудоемкий, канцерогенный товар. Экологические и гуманитарные группы периодически совершают попытки помочь местным жителям заменить табак на другую сельскохозяйственную культуру (например, тмин), устанавливая специальное оборудование для «альтернативных» форм сельского хозяйства (которое, однако, вскоре оказывается заброшенным). Но жителям южных ливанских приграничных территорий не так-то просто перестать выращивать табак. Для них это растение – синоним жизни как таковой: от дохода, полученного в результате культивирования табака, невозможно отказаться в контексте такого уровня экзистенциальной ненадежности. Это «горький» спасательный трос, за который жители небезопасного приграничного региона могли ухватиться в годы конфликтов, вооруженных вторжений, оккупации и ужасающего структурного насилия.

Сейчас выращивание табака популярно как никогда. С момента последних военных действий в Южном Ливане в 2006 году (то, что в этих местах называют «июльской войной»), объемы урожая непрерывно росли, несмотря на то, что в последние часы того многомесячного беспощадного наступления израильские ВВС сбросили миллионы кластерных бомб, начисто уничтожив посевы. Несмотря на это, жители Южного Ливана продолжили культивацию табака, этого надежного спасательного троса, который еще ни разу их не подвел.

>>

Сегодня табачные поля раскинулись по всему югу, потеснив даже древние оливковые и цитрусовые рощи и сменив натуральное сельское хозяйство зависимостью от продуктов, приобретенных на рынке (так как «табак нельзя есть»). Выращивание табака вытеснило и остатки животноводства. На полях, усеянных минами, кластерными бомбами и военной инфраструктурой животноводство оказывается нерентабельным, поскольку предполагает выпас скота на опасной военизированной территории. Юг страны все сильнее полагается на сельскохозяйственную культуру и товар, подвергающийся все более строгой регуляции и маргинализации на мировом рынке.

Табак – крепкое и устойчивое растение, способное к разрастанию даже на засушливых возвышенностях. В течение своей непродолжительной жизни (с февраля по апрель как росток, с мая по август как полевая культура) он питается росой и не требует ирригации. Он отлично подходит для выращивания на обнищавшей и опустошенной сельской местности, так как не нуждается в особой инфраструктуре: ему вполне хватает полуразрушенных или недостроенных домов, огородов, склонов холмов и даже каменистых неухоженных участков земли. Пока взрослые работоспособные мужчины трудятся за границей или в городах Ливана, выращиванием табака занимаются женщины, дети и пожилые жители фермерских хозяйств в деревнях, находящихся буквально на линии огня. Те, кто все еще остался жить в этих редеющих поселениях, год за годом вкладывают массу энергии в культивацию табака, обеспечивающего их семьям хотя бы минимальный доход.
Только обладатели лицензий (количество которых ограничено и которые невероятно высоко ценятся) имеют право выращивать и продавать табак. До начала профсоюзной деятельности 60х-70х табачные лицензии были сконцентрированы в руках всемогущих землевладельцев, которым принадлежала почти вся земля. Современные мелкие фермеры - наследники издольщиков, когда-то работавших на земле. По мере интенсификации военных действий у южной границы Ливана в 1960х и 70х гг. многие землевладельцы переехали в города; «их» крестьяне, оставшиеся на земле, вложили в землю деньги, присланные им ливанскими эмигрантами из Африки, Австралии и Латинской Америки. После покупки земли они также приобрели табачные лицензии. Многие крестьяне остались на месте несмотря на интервенцию и 22-летнюю израильскую оккупацию приграничной зоны, постоккупационный период и войну 2006 года. Пройдя через все это, они получили как кажется возможность контролировать производство табака, отвоевав лицензии у властей.

Чем объясняется такой успех табака на южных территориях Ливана? Почему именно табак, урожай которого так горек, стал лучшим другом униженных и оскорбленных?

Мы даем следующий ответ на этот вопрос. Демография и география, а также темпоральный и пространственный ритмы Южного Ливана создают благоприятные условия для выращивания табака, а следовательно и условия для жизни на достаточно непривлекательной и небезопасной территории. С другой стороны, успех этой сельскохозяйственной культуры поддерживается государством, получающим огромную прибыль от продажи табака на мировом рынке и заключившей с фермерами, выращивающими его, так называемый выгодный общественный договор: несмотря на колебания мировых цен на табак, государство выплачивает обладателям табачной лицензии фиксированную сумму (от 8 до 13 долларов США за килограмм)
Те, кто выращивает табак, любят и ненавидят эту форму общественного договора. Гарантированный доход приковывает их к разрушительной и эксплуататорской, но тем не менее выгодной индустрии. Государство преподносит табачные субсидии как некую отеческую заботу о нуждающихся гражданах, но оно же с радостью прикарманивает огромную прибыль, получаемую от торговли табаком.

В связи с ливанским табаком возникают два нарратива. Первый нарратив фокусируется на жизни, труде и любви: многие успешные южане объясняют свой успех тем, что их семьи могли выращивать табак и на заработанные деньги обеспечили детям образование. Те, кто выращивает табак (подавляющее большинство их составляют женщины) с гордостью рассуждают о своих навыках выращивания, сортировки, сушки и упаковки. Они считают, что их табак – «лучший в мире».

Другой нарратив исходит от тех, кто покупает урожай табака. Чиновники Régie, рассуждают о неравномерном и даже сомнительном качестве пролукта. Они жалуются на то, что им приходится покупать табак у домохозяйств юга. Это ненадежный товар, который приходится заново сортировать и упаковывать, а затем хранить на складах, пока государственная монополия улаживает вопрос о ценах с мировыми табачными компаниями, которые обязаны приобрести определенный процент ежегодного табачного урожая Ливана в обмен на долю на ливанском рынке сигарет. Некоторые утверждают, что значительная часть табака из Южного Ливана заканчивает свой век на свалке. Резкий контраст между двумя нарративами лишний раз подчеркивает противоречивую природу этой сельскохозяйственной культуры.

Несмотря на неоднозначные оценки табака как сельскохозяйственной культуры и по причине недостатка сколь бы то ни было достойных альтернатив, его культивация остается чем-то вроде спасательного круга в Южном Ливане. Деревни, лежащие на передовой, наиболее активно занимаются этим видом хозяйства, ведь именно благодаря урожаю табака фермерам удается создать некую форму стабильности, так необходимую в условиях почти непрерывных войн, разрушений и насилия. ■

Корреспонденцию направляйте Мунире Хайят по адресу: mk2275@columbia.edu

> Закручивание гаек аудита:

деградация высшего образования

Джон Холмвуд, Ноттингемский университет, ВБ, член Исполкома МСА в 2014-2018 гг.

Многие комментаторы предполагают, что «новый государственный менеджмент» общественных услуг при помощи «аудита» доживает последние дни или даже что направленность на «общественную ценность» (т. е. на максимизацию ценности услуги для общественности) уже сменила этот устаревший подход. Но для Великобритании это все, по-видимому, пустые слова, что касается высших учебных заведений. Недавно проведенные реформы отрицают общественную ценность университетов. Они рассматривают высшие учебные заведения лишь с точки зрения вклада в экономический рост и инвестиций в человеческий капитал для обеспечения надежности этого вклада. При этом студенты рассматриваются как «потребители». В этом контексте «аудит», который организует работу университетов, контролирует их поощрительными методами и делает доступными для рыночных процессов, все еще находится в стадии процветания.

Ученые Великобритании в данный момент находятся в ожидании результатов аудита качества исследований (REF – Research Excellence Framework), которые должны появиться в декабре 2014. Такой аудит проводится раз в шесть лет и определяет часть дохода факультета (прочие источники его дохода – студенческие взносы и внешние гранты). Распределение дохода зависит от оценки публикаций, выставленной научной комиссией рецензентов. Полученные баллы анонимизируются и суммируются, и получается, что оценивается также исследовательская среда и любое внешнее, не относящееся к науке влияние на проведение исследований.

REF – очень времязатратная процедура для факультета, и она влечет за собой значительные расходы, становящиеся бременем для институтов, управляющих этим процессом. Процесс аудита также получил критику за поощрение «безопасных» исследований, которые с большей вероятностью получат хорошую оценку комиссии. Критики утверждают, что REF вынуждает институты «играть в игры» и ослабляет связи между коллегами, так как становится необходим централизованный менеджмент исследований.

До нынешнего времени не существовало прямой взаимосвязи между макро-менеджментом исследовательских целей и стратегий университета и микро-менеджментом работы отдельных ученых, так как решения комиссий подчинялись закону о государственной тайне, и значит, оставались анонимными. Однако это может измениться. Организация, ответственная за REF – Совет по финансированию высшего образования Англии (Higher Education Funding Council for England, HEFCE) – сейчас проводит консилиум по поводу «метрикизации» REF.

Данное предложение уже рассматривалось и было отвергнуто перед проведением оценки исследований RAE в 2001 году. Однако сейчас оно снова актуально – не потому, что эксперты преодолели методологические трудности при использовании библиометрических данных (в том числе тематические различия в практиках цитирования), а по причине того, что количество доступных данных резко выросло, и значит, можно сделать еще одну попытку нововведения.

«Метрикизация» REF – это проект, связанный с «большими данными». Каждый ученый вносит в него новые данные с каждой публикацией и цитированием, если их можно найти в интернете. Кроме того, нынешняя система настолько дорогостоящая, что частные компании (например, Thomson Reuters) могут предлагать метрические данные по более низкой цене. Тогда профессиональное заключение ученой комиссии уступит место «коллективным» суждениям – вот неолиберальный вариант подчинения академической свободы квази-рынку. Действительно, британские исследователи сейчас являются соучастниками процедуры REF, однако метрикизация сделает REF единственным рычагом управления – вместе с нанятой по контракту компанией по обработке «больших данных».

Дэвид Иствуд (участник совета Browne Review, который порекомендовал заменить государственное финансирование высшего образования студенческими взносами, и ведущий защитник неолиберального проекта глобаль-

>>

ного рынка высшего образования) предполагает, что метрикизация может использоваться и как средство интернационализации. Интернационализация REF через международное peer review была бы трудоемким и дорогостоящим процессом, способным вызвать враждебную реакцию со стороны ученых за пределами Британии. Иствуд считает, что Британии может пойти на пользу высокая международная репутация REF – эта мысль больше понравится администрациям университетов и министрам образования, чем самим ученым. К участию в этом проекте будут приглашены не-британские спонсоры и законодатели, которые, несомненно, будут уязвимы для лоббирования со стороны частных компаний.

Все это происходит без общественной дискуссии как среди ученых, так и среди широкой публики, заинтересованной в будущем демократического образования. Академическая и демократическая свободы, может быть, не являются синонимами друг друга, но первая обеспечивает последнюю.

Активное внедрение REF приводит к тому, что научные исследования подвергаются бюрократическому влиянию, так как академические менеджеры стремятся увеличить финансирование. Метрикизация REF позволит этой процедуре стать инструментом микро-менеджмента. Тот факт, что аудит REF, основанный на измерительных процедурах, оперирует публичными данными, означает, что он может «отслеживать» деятельность отдельных ученых (в нынешней версии это невозможно). Любая компания, предлагающая услуги по сбору данных для рейтинговых агентств (национальных и международных), может предложить эту же услугу отдельным факультетам, принимающим перешения о найме сотрудникове. Действительно, библиометрические данные были разработаны в 70-х гг. именно для этой цели, и теперь «большие данные» делают вузы рыночными структурами (что представляет собой неолиберальный вариант «обучающих структур»).

Недавние шаги одного английского университета прекрасно иллюстрируют принцип этого микро-менеджмента. Назовем его Расселтон, чтобы указать на его принадлежность к группе самопровозглашенных «элитных» университетов «Рассел». Сначала Расселтон ввел почасовой учет рабочей нагрузки, чтобы регистрировать время, потраченное на различные научные задачи, и сделать его подконтрольным центральному менеджменту, о чем я уже писал. Теперь университет разрабатывает стратегию, основанную на наукометрических показателях, в которой есть три аспекта: «задачи», «цели» и «механизмы». Ниже приводится фрагмент этого увесистого документа (и обременительного, если принять во внимание узость его перспективы):

- Цель 2: Увеличить число и долю качественных результатов, публикуемых исследователями университета Расселтон:
- Задача 2.1: Достичь и поддерживать средний балл REF выше 2,71 – нынешнего среднего балла по группе «Рассел» (новые стандарты будут указаны в соответствии с результатами REF2014);
- Задача 2.2: Улучшить качество исследовательского портфолио университета, измеряемое индексом цитирования за последние три года, на 20 процентов к 2020 году (1.68 в 2013 году);
- Задача 2.3: Удвоить долю публикаций за трехлетний период в первых 10% самых цитируемых источниках (21% в 2013 году);
- Задача 2.4: Увеличить долю международных публикаций в соавторстве за трехлетний период до 55% и выше (40% в 2013 году);
- Задача 2.5: Увеличить число институциональных цитирований за трехлетний период на 30% – для всех научных дисциплин (62,413 в 2013 году) <...>
- Механизм 2.5: Обеспечить внедрение использования открытого доступа, цитирования, индексов Хирша и библиометрических данных вообще для продвижения выдающихся индивидуумов и для оценки продуктивности и качества исследовательских команд, так чтобы совместная работа команды и соавторство могли подвергаться тестированию и стандартизации.

Таким образом, закручивание гаек аудита сводит научную жизнь к «измеряемым моментам», где академическая свобода подчиняется рыночным суждениям о ценности. Вот что HEFCE хочет принести в наши университеты путем интернационализации аудита. ■

Корреспонденцию направлять по адресу: John Holmwood jholmwood@ias.edu

> Невидимые цыгане Египта

Александра Паррс, Американский Университет в Каире, Египет

Домы в Египте – существующие, но невидимые. Илл.Арбу.

Многие египтяне не подозревают, что слово “gypsy”, «цыган», происходит от “Egyptian” – египетский. Происхождение слова – результат средневекового заблуждения, связанного с загадочными восточными путешественниками в Египте. Египтян продолжает и поныне удивлять тот факт, что существуют египетские цыгане – или, по крайней мере, что есть группы людей, часто идентифицируемых как восточные цыгане, или дом. Часто им, как и европейским цыганам рома□, приписывается особая психическая и магическая сила, и так же, как и их европейские собратья, они маргинализированы и носят статус парий.

Разные подгруппы восточных цыган, дом, существуют в Сирии, Турции, Израиле и Египте. И дом, и рома были драматически стигматизированы в большей части Европы и некоторых странах Ближнего Востока. Однако Египет официально не признаёт дом, отчасти потому, что основной идентификатор в Египте – религиозная принадлежность. В египетском удостоверении личности, где отмечена религиозная принадлежность владельца, предлагается три религии на выбор: христианство, ислам и иудаизм. До совсем недавнего времени представители конфессий, отличных от официальных, не имели возможности получить удостоверение личности. Поскольку официальным маркером является религия, другие маркеры, такие как этничность, не используются. Следовательно, группы, идентичность которых определяется этнически – бедуины, нубийцы и, конечно, домы – подвержены социальному игнорированию.

Не имея ни опыта категоризации на основе идентичности, ни статистики, почти невозможно количественно оценить цыганское население Египта. Основные источники данных – евангелические организации – оценивают численность этнической группы между одним и двумя миллионами человек, большинство из которых по паспорту мусульмане. Домы в Египте разделены на разнообразные подгруппы, или же племена – это понятие в ближневосточном контексте чрезвычайно имеет большую выразительность. Среди названий племен – слова, имеющие оскорбительные значения в арабском языке: гагар, навар, халеби. Евангелические организации предполагают, что самой многочисленной группой домов являются гагар, что переводится как «бродяги».

>>

Так как официально домы не существуют, не было и попыток их уничтожить или ассимилировать. В Европе для групп рома было, по-видимому, лишь два выхода: либо насильственная интеграция, либо маргинализация. Кочевой образ жизни рома воспринимался европейцами как форма вызывающего неповиновения или признак порочных пристрастий. В Египте, напротив, номадизм – исторически интегрированный образ жизни, несмотря на то, что уже в XX веке номады воспринимаются как анахронизм. Кроме того, номадизм на Ближнем Востоке в основном ассоциируется с бедуинами и скотоводами-кочевниками, а не с цыганами.

Таким образом, египетское государство, по всей видимости, игнорирует существование цыган. И все же, присутствуют ли цыгане в коллективных интерпретациях и воображении? Набиль Собхи Ханна примерно 50 лет назад проводил этнографическое исследование полукочевых сообществ гагар в области Сетт-Гиранаха в дельте Нила. Гагар, описанные им, часто жили на краю села и занимали определенную профессиональную нишу: торговали лошадьми и ослами, были кузнецами и артистами. В последнее время многие гагар обосновываются в центре Каира, в районе Сейида Зейнаб или же в печально известном «Городе мертвых». Они работают слесарями, кузнецами, лудильщиками, торговцами шерстью, газонокосильщиками, шорниками, музыкантами, танцорами, или же торгуют мелким товаром с рук. Иногда они прибегают к попрошайничеству, как и многие городские бедняки. В Городе мертвых домы соседствуют с заббалинами, ортодоксальными коптами, часто зарабатывающими сортировкой мусора. В то время как подавляющее большинство домов фактически ведут оседлый образ жизни, их современные занятия все еще связаны с кратковременной пространственной мобильностью: они работают на временных работах, живут в съёмных домах, могут переезжать с места на место в пределах района. По-видимому, они все еще находятся на периферии египетского общества.

Большинство египтян не знает о существовании цыган в египетском обществе. Однако, немного поразмыслив, многие признают, что в Египте действительно есть цыгане, ссылаясь на то, что, по всей видимости, они сталкивались с гадалками, путешественниками в сельских районах, ворами и артистами на религиозных празднествах. Несмотря на то, что домы не получают полного признания, они, по судя по всему, существуют на периферии коллективного бессознательного и могут материализоваться в определенных контекстах и фрагментарно.

Образ «цыган» чаще выходит на поверхность в сельской местности: они – просто очередное племя в сложной сельской системе. Цыгане отчасти известны благодаря своему вкладу в египетскую музыку, а также благодаря гавази – танцовщицам племени навар, имеющим репутацию очаровательных соблазнительниц. Гавази были гаремными танцовщицами, изгнанными из Каира в XIX веке. Позже образ гавази был романтизирован в кино: к примеру, в блокбастере 50-х годов «Тамр хинди» богатый юноша влюбляется в девушку-гавази и пытается сделать из нее респектабельную женщину. У него ничего не выходит, и гавази остается там же, где была. Некоторые границы невозможно пересечь.

Цыгане также выступают в качестве эстрадных артистов во время мавлидов – праздников, объединяющих в себе паломничество, карнавал и мистическую мусульманскую церемонию. В Египте мавлиды не ограничены днем рождения Пророка (Мавлид ан-Наби), они также могут проводиться в честь местных суфийских святых, что часто привлекает внимание египетских властей: мавлиды одобряются шиитами и суфиями, но не одобряется суннитами – египетским большинством. Несмотря на официальное неодобрение, мавлиды широко распространены. Они похожи на христианские карнавалы: это время анархии и вседозволенности, когда можно нарушать привычные нормы – отменяется гендерная сегрегация, забываются сексуальные табу, люди пляшут в состоянии всеобщего безумия. Домы – неотъемлемая составляющая мавлидов, что неудивительно при том, что они ассоциируются с развлечениями и аморальными искусствами. Женщины танцуют, мужчины играют музыку. Цыганки делают то, что почтенные женщины не могут себе позволить: они играют своего рода срединную роль, помещающую их в категорию «чужаков» по Зиммелю.

Так кто же такие египетские цыгане? Официально не будучи признанными, они известны населению Египта как номады и сельские торговцы лошадьми, артисты, танцоры на мавлидах и гавази, гадалки и простые попрошайки в городах. В конечном счете, они в большинстве своем принадлежат к бедным египетским сообществам, маргинализированным и пренебрегаемым. Согласно предположению Эдварда Саида, что Восток был сформирован европейскими ориенталистами в девятнадцатом веке, цыгане подвергались «отчуждению» и конструировались в европейских рамках как экзотические (ориентальные) другие. Забавно, что в Египте цыгане тоже подвержены ориентализации: приписываемые им черты разительно похожи на те, что обычно ассоциируются с Востоком, или же с цыганами в Европе. Триединство угрозы, отвращения и привлекательности, которое ассоциируется с арабами – мужчинами (опасные фанатики и т. д.) и женщинами (чувственные создания-жительницы гаремов и т. п.) – также ассоциируется с цыганами. Мужчины воспринимаются как ненадежные и склонные к воровству, женщины – как таинственные, опасные (гадалки, колдуньи) и соблазнительные (танцовщицы, гавази, проститутки).

Исследование египетских домов особенно интересно, так как в связи с их опытом возникают вопросы: существуют ли межнациональные цыганские практики и идентичности, переходящие границы национальных государств? Каким образом конструируются эти практики и идентичности, каковы их функции? Будут ли домы/рома изгоями вечно? Являются ли они вечной угрозой национальной идентичности? И как поступать стране вроде Египта с подобными меньшинствами, религиозными и нерелигиозными? ■

Корреспонденцию направлять Александре Паррс aparrs@aucegypt.edu

> Смешанные любовные пары под подозрением во Франции

Мануэла Сальседо, Высшая школа социальных наук, Париж, Франция, Лаура Одассо, Свободный университет Брюсселя, Бельгия, член ИК 38 (Биография и общество)

Протест против государственного преследования бинациональных любовных пар в Бобиньи, районе Парижа. Фотография Фабриса Габорио.

«Это безумие! Французское правительство приказывает марокканским властям и консульствам воздерживаться от злоупотреблений, но есть стабильные пары вроде нас, которые расплачиваются за разницу в политике Франции по отношению к разным категориям людей <...> А еще вас унижают».[1]

За последнее десятилетие значительно ухудшилась ситуация с правами смешанных двунациональных пар, состоящих их граждан ЕС и граждан третьей страны. Как резиденты, не имеющие французского гражданства, выходцы из третьих стран пользуются лишь ограниченным набором прав. Следует отметить, что их положение становится все более прекарным. Во Франции, например, власти применяют целый ряд административно-правовых мер и инвазивных практик для контроля личной жизни гомо- и гетеросексуальных смешанных пар. Более того, французские власти посылают недвусмысленный сигнал о том, что граждане одних государств, по их мнению, достойны более надежной защиты, чем граждане других.

На материале интервью с парами, многомерной этнографии, а также включенных наблюдений в организациях, защищающих права смешанных семей и мигрантов, таких как Государственный запрет на любовь и Ассоциация признания гомосексуальных и трансгендерных прав иммигрантов и резидентов, мы рассматриваем юридические реформы, изменяющийся политический контекст и аттитюды чиновников, исполняющих административные практики, оказывающие влияние на смешанные пары в современной Франции.

С точки зрения французской миграционной политики существует два вида миграции – «добровольная миграция» (immigration choisie, то есть иммиграция высококвалифицированных работников) и «вынужденная миграция» (immigration subie, т.е. миграция по семейным обстоятельствам и миграция в статусе беженца). Мигранты, приезжающие во Францию для воссоединения с партнером или для основания семьи, считаются вынужденными мигрантами и некоторой формой нагрузки для государства несмотря на то, что семейная миграция защищена Конституцией и международными конвенциями. В публичном дискурсе дискуссии о семейной миграции представляют собой смесь национального патернализма с конструированием границ. В реальности обращение с гражданами третьих стран в значительной мере зависит от страны происхождения, религиозной конфессии, пола и сексуальной ориентации. Мигранты из ряда бывших колоний, вроде Марокко или Алжира, сталкиваются с большим объемом ограничений, чем другие, поскольку сообщества выходцев из этих стран во Франции довольно многочисленны. Повседневная жизнь смешанных пар находится под воздействием общественных страхов о так называемом «исламском вторжении» и амальгамы «араба» и «мусульманина».

>>

Парадоксальным образом, такого рода правоприменение также затрагивает граждан Франции, которые вступают в брак или гражданское партнерство с гражданами третьих стран. Таким образом, стигматизация затрагивает как граждан третьих стран, так и их европейских партнеров, превращающихся в «чужаков» в собственном обществе и воспринимаемых как угроза национальной идентичности из-за связи с иностранным партнером.

> Ограничениея миграции

Во Франции существует фундаментальный разрыв закона и практики. Ограничение семейной миграции стало приоритетом в 2003 году, когда один за другим были приняты пять законов, усложнивших жизнь смешанных пар. В 2006 году были приняты два закона – «Саркози II» и «Закон Клеман» - нацеленные на выявление фиктивных браков во Франции.

Брак значительно видоизменился за последние несколько лет и превратился в проблему, связанную с миграцией. [...]. Число фиктивных браков, расторгаемых мэрией и представителями консульств, постоянно растет (П.Клеман, речь в Национальной ассамблее , 22.03.2006

Работник ЗАГСа обязан проинтервьюировать будущих супругов вместе «или, в случае необходимости, по отдельности». Заподозрив факт мошенничества, он может отказаться заключать брак и поспособствовать началу уголовного расследования. На практике ,начиная с 2004 года, любой супруг, не имеющий французского вида на жительство, обязан предоставить дополнительную информацию о себе. Даже после свадьбы пары обязывают уведомлять власти о стабильности своих отношений. Французский супруг обязан присутствовать при процедуре обновления вида на жительство своего партнера в префектуре, предоставляя чеки и другие документы, доказывающие факт совместной семейной жизни.

К 2009 году политические дискурсы уже описывали смешанные браки как «первый источник иммиграции», высказывая опасения по поводу появлении нового вида брака – «брака по тайному расчету» или «серого брак» (mariage gris) – в котором французский партнер оказывается обманутым своим иностранным партнером, решившим за его счет обзавестись французским видом на жительство. Другая форма брака по расчету – «белый брак» (mariage blanc), в котором партнер-француз полностью осведомлен о реальных намерениях супруга и помогает ему обманывать власти. Из 278 600 браков, заключенных во Франции в 2004 году, 5 272 случая были переданы в полицию (т.е. 1,9%), 737 признаны фиктивными и расторгнуты, в том числе 444 брака, признанных браками по расчету . В конце концов только четырех человек осудили за вступление в брак по расчету.

Для получения гражданства по закону требуется продемонстрировать «ассимиляцию во французском сообществе» (что предполагает языковой текст, знание прав и обязанностей граждан Франции и т.д.). Брак как таковой не предоставляет автоматического доступа к французскому гражданству. Срок ожидания гражданства с момента вступления в брак был повышен с полугода в 1984 году до четырех лет в настоящее время.

> Администрирование смешанных браков

Чиновники, контролирующие миграцию, получают все больше и больше полномочий . Они выдают визы, предоставляют разрешение на работу и вид на жительство, обязаны стоять на страже национальных интересов. Зачастую они отличаются скорее предвзятым отношением к мигрантам, чем доскональным знанием правил. Эти чиновники занимают низшую позицию в административной иерархии, и применение ими вмененной им власти зависит от того, каким образом они воспринимают свою работу и иммиграцию.

Формально, решения по поводу того, кто из иностранцев получит вид на жительство, принимает Префект. На практике смешанные пары, как и все мигранты, сталкиваются с чиновниками, достаточно удаленными от своего начальства, чьи указания они должны выполнять. Спайерс пишет, что эти чиновники – «кассиры для мигрантов» - занимают так называемую «грязную позицию», то есть непосредственно контактируют с мигрантами, в отличие от вышестоящие администрации, работающей в «чистоте» и покое своих пустых офисов. Личное отношение чиновников и необходимость внедрения государственной политики руководят их интеракциями с супругами. Парам приходится договариваться о собственном статусе с бюрократами, у которых нет полномочий принятия решений. Они находятся в полной власти вышестоящих лиц, которые практически никогда не вступают в контакт с иностранцами.

> Сталкиваясь с расизмом и ксенофобией

Миграционная политика в отношении смешанных семей способствует возникновению двух видов дискриминации. Выходцы из третьих стран, как незваные гости, испытывают высокомерное отношение со стороны чиновников и полиции. Французские супруги иностранцев и французские чиновники, работающие с ними, становятся гофманскими «посвященными» (initiates), которые постоянно взаимодействуют со стигматизированными индивидами и таким образом также подвергаются риску стигматизации. Такие характеристики, как возраст, экономический статус и внешний облик могут уничтожить сомнения об искренности отношений, но это не смягчает стигмы, с которой приходится сталкиваться иностранцам и тем, кто с ними работает.

Частная жизнь смешанных пар становится публичной, когда они начинают открыто говорить о своих отношениях, чувствах, любви, чтобы выйти из сложившегося тупика и осудить стигматизацию их брака. Интересно и то, что французское государство и смешанные пары руководствуются практически идентичными определениями брака. Для обеих сторон любовь - sine qua non (непременный атрибут) брака. Институциональный расизм и ксенофобия, однако, разрушают границу между публичным и приватным и вторгаются в их частную жизнь. ■

Корреспонденцию направляйте Лоре Одассо
a.odasso@gmail.com и Мануэле Сальседо
manuesalcedo@gmail.com

> Призрак бродит по Турции

Айлин Топал, Ближневосточный технический университет, Анкара, Турция

Протесты Гези все еще преследуют президента Эрдогана.

В течение последних двух лет социальные и политические изменения в Турции все чаще вызывали дебаты о политическом режиме в стране. Какова природа этого режима, что привело к мятежам июня 2013 года, и что ожидает страну в будущем?

История неолиберализма в Турции началась в 1980 году. 24 января 1980 года была запущена турецкая программа структурной перестройки, а 12 сентября произошел военный переворот. Военные пришли к власти, преследуя две взаимосвязанные цели: во-первых, усмирить политических левых и профсоюзы; во-вторых, продолжить процесс экономической реструктуризации, сохранив поддержку турецкой буржуазии, а также западных капиталистических государств и организаций Бреттон-Вудской системы. Власти, сменившие военных у штурвала государства, проводили политику, во многом созвучную политике Новых Правых.

Через двадцать два года, в 2002 году, Партия справедливости и свободы (ПСС - JDP) завоевала парламентское большинство. Впервые за пятнадцать лет какая-то партия правила в одиночку. В целом рынки отреагировали на это положительным образом, потому что, как отметила в своем анализе Мерил Линч, «однопартийное правительство укрепляет экономический баланс в Турции». Партия не разочаровала: через несколько месяцев после прихода к власти, она заявила, что с целью выхода из экономического кризиса правительство минимизирует вмешательство в экономическую деятельность и приватизирует государственные экономические предприятия - что и по сей день осталось основной фискальной стратегией ПСС.

В мае 2013 года Тайип Эрдоган, бывший в то время премьер-министром, озвучил план реконструкции одной из центральных площадей Стамбула - площади Таксим, на которой на протяжении многих десятилетий проводились политические демонстрации. Рядом с площадью Таксим раскинулся парк Гези, одна из немногих оставшихся в центре города зеленых точек. План реконструкции включал перестройку мечети на площади и исторического военного барака в парке Гези – в котором предполагалось открыть торговый центр. Премьер-министр также уведомил публику о существовании других крупных государственных проектов, в том числе третьего аэропорта и моста через Босфор.

Как любой законопроект, принятый ПСС, эти планы не обсуждались ни в парламенте, ни гражданским обществом.

>>

Профессиональный Союз инженеров и архитекторов, а также Союз палат городских планировщиков немедленно отреагировали на новость, заявив, что собираются помешать строительной технике начать работы. 28 мая они разбили первые палатки.

На рассвете 31 мая полиция жестоко атаковала протестующих, поджигая палатки, применяя силу несоразмерную сопротивлению, используя слезоточивый газ и брандспойты даже среди мирных протестующих. Защищая полицию, премьер-министр демонизировал протестующих, называя их «экстремистскими группировками» и çapulcu (мародерами). Тем вечером оппозиционные группы призвали к акции солидарности со стамбульскими протестующими, и миллиона устремились в парки в каждом турецком городе, чтобы протестовать против жестокого подавления демонстрации полицией. Демонстранты по всей страны скандировали «Всюду Таксим, всюду сопротивление», «Долой диктатора!» и «Прыгай! Прыгай! Кто не прыгает, тот Тайип!"

Такая реакция вовсе не была неожиданной или удивительной. Тем временем недовольство общества росло. 18 декабря 2012 года во время визита Эрдогана в Ближневосточный технический университет (METU) для наблюдения за запуском военного спутника, полиция жестоко подавила мирный студенческий протест. Вместо того, чтобы начать расследование по поводу превышения полномочий и применения силы полицией, премьер-министр обрушился с критикой на университетских преподавателей, повторяя, «Стыдно должно быть тем профессорам, которые воспитали таких студентов! Преподаватель должен в первую очередь научить студентов уважению» Последующие протесты в университете и акции солидарности в разных кампусах страны были подавлены, что вызвало повышение внимания со стороны международного сообщества. В апреле 2013 года театр Эмек был снесен для того, чтобы на его месте построить торгово-развлекательный центр, и это снова вызвало волну протеста. И вновь мирные демонстрации были разогнаны с применением брандспойтов и газа. С завуалированного консерватизма и авторитаризма правительства начали спадать покровы - эти качества режима развернулись во всей красе, когда был выпущен новый закон, ограничивающий продажу алкоголя – закон, который, как недвусмысленно подчеркнул Эрдоган, должен был защитить молодежь и усилить соблюдение религиозных законов. Примерно в это же время пару, целовавшуюся на платформе в метро, подвергли критике через громкоговоритель. Вскоре на эту станцию пришли сотни человек, начавших целоваться в знак протеста.

В ответ на разрастающиеся протесты солидарности Эрдоган сказал, что его поддерживает полстраны, проголосовавшей за него на выборах, и заявил, что на улицах могут быть тысячи протестующих, но за ним пойдут миллионы. Сторонников Эрдогана привозили на автобусах для участия в демонстрациях по поводу парка Гези. Толпы скандировали «Разрушим Таксим!» и «Меньшинство, не испытывай наше терпение!»

«Протесты Гези» поставили под вопрос природу политической власти в стране и подорвало авторитет ПСС, обнажив кризис государственной легитимности. По иронии, сопротивление выступило в роли катализатора превращения режима из завуалированно консервативного авторитаризма в неприкрыто реакционную автократию. С июля 2013 года вместо решения животрепещущих проблем партия Эрдогана криминализовала оппозицию, назвав ее попытки ослабить давления правительства «попытками совершить гражданский переворот».

Как только возникли слухи о том, что премьер-министра, его семья и кабинет министров замешаны в крупных коррупционных скандалах, Эрдоган начал войну с Братством Гюлен и так называемой «параллельной структурой» в государстве. Аудиозапись, сделанная 17 декабря (в день, когда трое сыновей трех министров были арестованы по подозрению в причастности к коррупции и взяткам), была загружена в интернет. На аудиозаписи мужчина (как утверждалось, Эрдоган) указывает своим сыновьям на необходимость избавиться от крупных сумм наличных денег. Впоследствии Эрдоган заявил, что была совершена попытка «государственного переворота» «лоббистами» и «темными силами», стремящимися ослабить правительство перед предстоящими выборами, и потребовал ввести предупредительные меры. Вскоре после этих событий парламент, в котором доминировала партия Эрдогана, принял новые законы, наделившие неприкосновенностью представителей разведывательных служб и ограничивающие свободу СМИ, свободу слова и свободу информации. Несмотря на это, 9 августа Эрдоган был избран президентом 51.8% процентом голосов (при явке 73.4%). В рамках своей предвыборной кампании Эрдоган неоднократно повторял, что будет деятельным президентом, в отличие от своих церемониальных декоративных предшественников. Кажется, он твердно намерен воспользоваться своей властью в полную силу (председательствуя на встречах кабмина, назначая ректоров университетов и некоторых представителей высших эшелонов судебной власти). De jure парламентская республика, являющаяся de facto президентской, предполагает минимальную подотчетность – идеальный компонент неприкрытой автократии. ■

Перед лицом смены режима турецкое государство под контролем ПСС переживает глубокий кризис легитимности. Призрак преследует президента и его правительство, и это призрак протестов Гези.

Корреспонденцию отправляйте по адресу taylin@metu.edu.tr

> Манипулируя общественным мнением в Казахстане

Алмаз Тайжанов, Ассоциация социологов Казахстана, постоянный групповой член МСА

Гаухар Монко, казахская жена Сергея Монко, украинца, живущего в Казахстане. Обратите внимание на слезы цветов украинского флага.

Казахстан и Украина граничат с Россией, и у обеих стран статус постсоветских республик. Но у них есть и иная, более важная и трагическая общая черта: обе страны потерпели значительные демографические потери во время голода, вызванного советской «коллективизацией» 1932-33 гг. Смерть, вызванная истощением, и эмиграция во время массового голода привела к тому, что население Казахстана к 1934 году уменьшилось на 1 840 000 человек, что составляло 47.3 % населения страны в 1930 году. Потери почти половины местного населения было решено «компенсировать» несколькими миграционными волнами из России до и после Второй мировой войны. Это значительно видоизменило демографическую ситуацию в стране: по переписи населения 1959 года казахи составляли лишь 30% населения Казахской ССР (ср: в 1926 году эта цифра составляла 58, 5%).

Голод в Украине в этот же период забрал жизни около 3 млн украинцев, что в пропорциональном отношении меньше, чем казахские потери, так как к переписи населения 1926 года население республики достигло 23 миллионов. Далее, в Украине правительство конфисковало зерно, в то время как преимущественно ведущие кочевой образ жизни казахи лишились скота, основного источника питания. Шансы выжить были, таким образом, несколько выше в Украине, чем в Казахстане.

В результате миграционных волн из России в Украину и Казахстан русские стали составлять значительную долю населения обеих республик. Это особенно характерно для северных регионов Казахстана, непосредственно граничащих с Россией, а также для восточных регионов Украины – Донецка и Луганска – то есть именно тех территорий, на которых в настоящее время разворачивается вооруженный конфликт. В открытом доступе отсутствуют социологические исследования о сепаратистском движении в Казахстане, особенно в северных и восточных частях страны, где проживает значительная доля русского населения Казахстана. Однако известен как минимум один крупный случай сепаратистской активности: в ноябре 1999 года в Усть-Каменогорске разразились вооруженные беспорядки, начатые сепаратистами. Беспорядки, организованные 22 русскими – 11 из которых, включая лидера, были гражданами Россий-

>>

ской Федерации – были заблокированы Казахстанским государственным комитетом безопасности, все сепаратисты были приговорены к тюремным срокам от 6 до 8 лет. Все они вернулись в Россию после освобождения из тюрьмы.

Несмотря на эту историю, население Казахстана не показывает признаков беспокойства по поводу сепаратизма. Более того, опрос, проведенный Казахстанским Центром общественно-политических исследований «Стратегия», показал, что уже после начала украинского конфликта 61 % населения Казахстана поддерживало российскую аннексию Крыма, 23% отзывались о событиях нейтрально, и лишь 6% ответили, что считают аннексию противозаконным нарушением территориальной целостности Украины. Опрос показывает четкую корреляцию между тем, кем контролируются масс медиа (казахстанские, российские или западные СМИ) и отношением их аудитории к конфликту.

По данным Плана стратегического развития на 2011-2015 годы, опубликованным Министерством коммуникации и информации Казахстана, в Казахстане базируются 2 740 медиа организаций (печатных изданий, теле- и радиокомпаний, а также электронных медиа и т.д.) Из них 20% публикуют материалы на казахском языке, 34% – на русском. Остальные казахстанские медиа являются формально двуязычными, но по факту большинство ориентировано в основном на русский язык. Присутствие казахского языка в сети Интернет минимально по сравнению с русским, поэтому можно смело сказать, что Интернет в Казахстане является русскоязычным. Более того, в стране действует неограниченная трансляция российских телеканалов, а также циркуляция российских газет и журналов.

Опрос, результаты которого были приведены выше, также показал, что основными источниками информации респондентов были следующие: казахстанские СМИ (50%), российские СМИ (31%). Другие источники включали в себя Интернет сайты и социальные сети типа Фейсбук (9%), а также разговоры с друзьями, коллегами и родственниками (7%). Лишь 1% респондентов интернет-опроса указал, что источником информации являлись западные медиа.

Каким образом источник информации может повлиять на мнение респондентов? Среди респондентов, получающих информацию из казахстанских СМИ, 54% солидарны с действиями Российской Федерации, 20% не согласны с ними, 26% затруднились ответить. Однако среди респондентов, полагающихся на российские СМИ как на источник информации, мнения распределялись в следующем процентном соотношении: 84% поддерживали, 4% были не согласны. Респонденты, получающие информацию из западных СМИ, в 31% случаев поддерживали РФ, в 39% - были против, 31% затруднялись ответить. Это достаточно удивительная картина, особенно для тех, кто ожидал, что аудитория западных СМИ будет менее лояльно настроена по отношению к российским действиям. Среди респондентов, основным источником информации для которых являлся Интернет, 48% поддерживали Россию, 35 %не могли дать однозначного ответа, 17% были не согласны. Как было упомянуто выше, Интернет в Казахстане является преимущественно русскоязычным, и потому такие результаты ничуть не удивительны.

За время текущего украино-российского конфликта объемы пропаганды достигли уровня, не виданного со времен СССР. Тотальный контроль телевидения и печатных СМИ позволил повысить ее масштабы еще значительнее. Невероятные потоки пропаганды как со стороны России, так и со стороны Украины, оказывают влияние на население Казахстана и на казахстанские власти. В то же время подобного тренда в казахстанских медиа замечено не было. В результате казахстанское общественное мнение оказывается под влиянием российских масс медиа и правительства. Более того, в Казахстане произошел острый идеологический раскол на так называемых «национал-патриотов», «либералов» и «западников» с одной стороны и тех, кто поддерживает Россию, с другой. Отсутствие независимых социологических исследований предотвращает возможность проведения более глубокого анализа. Отсутствие серьезных исследований, которые могли бы помочь предотвратить подобную манипуляцию общественным мнением в Казахстане, представляет потенциальную угрозу стабильности в стране. ■

Корреспонденцию направляйте Алмазу Тайжанову по адресу
almas.diamond@gmail.com

> Будущее планеты

Эмма Порио, Университет Атенео де Манила, Филиппины, бывший член Исполнительного комитета МСА, 2006-2014, в настоящее время Представитель МСА в Международном совете по науке (ICSU)

Члены Международного совета по науке (ICSU) встретились в Оклендском конференц-центре на Генеральной ассамблее, которая проводится раз в три года. В этот раз обсуждали ключевые направления мировой науки на ближайшее будущее. Темой 31-й Генеральной ассамблеи стала следующая: «Празднование 30-й годовщины начала исследования мировых изменений». Ассамблея выступила с единым сообщением о необходимости открытого доступа к научным знаниям и предостережением против неправильного использования показателей при оценке качества исследований.

Международный совет по науке, основанный в 1931 году, является негосударственной организацией. Его участники – национальные научные институты (120 членов, представляющих 140 стран мира) и Международные научные союзы (31 член). Деятельность совета сфокусирована в следующих областях: планирование и координация международной исследовательской деятельности, наука ради политики, усиление универсальности науки. Международный совет по науке часто призывают высказаться от имени мирового научного сообщества. Он выступает в качестве советника правительств и подразделений ООН по вопросам от экологии до проведения исследований.

Встречу открыл премьер-министр Новой Зеландии Джон Кей (John Key), подчеркнувший уникальные экологические вызовы, с которыми сталкивается страна, а также ее вклад в международные исследования. Питер Глакман (Peter Gluckman), генеральный правительственный советник по науке и бывший президент Королевского общества Новой Зеландии, выступил с программным обращением «Изменяющаяся природа науки: могут ли ученые ответить на этот вызов?» Он предостерег аудиторию о том, что научные системы стремительно видоизменяются, и потеря контроля над этими изменениями чревата потерей общественного доверия.

В течение пяти дней с 31 августа по 4 сентября 2014 года Международный совет по науке обсуждал состояние своих ключевых программ, функционировавших в течение последних трех десятилетий. Ниже приводим список обсуждавшихся программ:

- Межправительственная панель по изменению климата
- Международная программа по изучению био- и геосферы.
- Диверситас (исследования биологического разнообразия)
- Международная программа человеческого измерения
- Программа изучения Земли

Эти программы лягут в основу широкой программы Международного совета по науке на следующее десятилетие: Будущее Земли: наука и устойчивое развитие всего мира.

Международный совет по науке сотрудничает с двумя академиями, стараясь сформировать новое поколение ученых, а именно со Всемирной молодежной академией (Global Young Academy (GYA)) и Всемирной академией ученых (World Academy of Scientists (TWAS)). Всемирная молодежная академия была основана в 1990 году в Берлине при поддержки Академии наук Германии. В нее входят 90 молодых ученых из разных уголков планеты. Академия регулярно проводит семинары и конференции, на которых участники рассказывают об актуальных исследованиях и достижениях. Всемирная академия ученых – глобальная научная сеть, объединяющая ученых из 50 развивающихся стран. Ее база находится в Триесте (Италия), ее цель – «способствовать инновациям и устойчивому процветанию в развивающимся мире через исследования, образование, политику и дипломатию».

В 2010 году Международный совет по науке пригласил МСА принять участие в интегрировании социальных наук в научный проект совета. В этом направлении предстоит сделать очень многое. В настоящее время МСА переосмысляет, следует ли продолжать свое участие в организации, фокусирующейся на естественных науках. С 2010 по 2014 год Элис Эбрю (Alice Abreu), бывший член ИК МСА (2006-2010) и региональный директор Международного совета по науке в Латинской Америке, являлась представителем МСА в Международном совете по науке. Стюарт Локи (бывший президент ИК 23 по вопросам экологии) стал членом комитета Международного совета по науке, занимающегося стратегическим планированием и исследованиями(2013-2014). ■

Корреспонденцию направляйте Эмме Порио по адресу eporio@ateneo.edu

> Румынская команда «Глобального диалога»

Иляна Чинзяна Сурду, Бухарестский университет, Румыния

Впервые мы приняли участие в выпуске румынского издания «Глобального диалога» при подготовке номера 3.1 в ноябре 2012 года. С тех пор состав команды менялся при работе над каждым номером, но это и хорошо, потому как в процессе все мы чему-то учимся у своих коллег. Мы социологи, большинство из нас – все еще аспиранты, энтузиасты, а наука для нас – настоящая страсть. Разнообразие тем, затрагиваемых в журнале, позволило нашей команде – а также нашим преподавателям и коллегам – серьезно расширить свои знания о мировом обществе.

В нашей команде шесть постоянных членов, представленных ниже вместе с коллегами, участвовавшими в подготовке как минимум пяти номеров. Помимо этих постоянных членов, 11 человек присоединялись к нам для подготовки как минимум одного номера: Рамона Кантараджу (Ramona Cantaragiu), Кристиан Константин Вереш (Cristian Constantin Vere□), Ангелика Хелена Маринеску (Angelica Helena Marinescu), Моника Надраг (Monica Nădrag), Иоана Картареску (Ioana Cărtărescu), Мадалин Рапан (Mădălin Rapan), Андреана Акасандре (Andreea Acasandre), Даниела Габа (Daniela Gaba), Александру Дуцу (Alexandru Du□u), Габриела Иван (Gabriela Ivan), Левенте Секеди (Levente Szekedi). ■

Доктор Косима Ругиниш – профессор факультета социологии Бухарестского университета, главный редактор Compaso, журнала о сравнительных исследований в области социологии и антропологии. Преподает курсы по исследовательской методологии. Ее последние исследования фокусируются на квантификации, риторике исследования в гуманитарных науках, а также использовании серьезных игр и других электронных медиа в научной коммуникации
Контакт: cosima.rughinis@sas.unibuc.ro

Адриана Бондор – аспирантка факультета социологии Бухарестского университета. Интересуется историей и социологией, изучает историю румынской социологии. Занималась исследованиями в различных областях: социальной истории, истории социологии в Румынии, культуральными исследованиями и исследованиями памяти, а также коммунизма в Румынии и Европе. Адриана хочет в будущем заниматься социологией культуры.
Контакт: adrianabondor@yahoo.com

Элена Тудор аспирантка факультета социологии, научный сотрудник Бухарестского университета и Института исследований качества жизни (Румынская академия). Среди ее научных интересов - международная миграция и миграционная политика. Участница исследовательских проектов Еврокомиссии и местных НКО, связанных с миграцией и политикой в отношении ущемленных групп
Контакт: elenatudor7@yahoo.com

Иляна Чинзяна Сурду – аспирантка факультета социологии Бухарестского университета. Работала ассистентом преподавателя курсов по исследовательской методологии и маркетингу, в настоящее время занимается проектами, связанными с социальной интеграцией и социальным развитием. Сфера ее интересов включает социологию времени, баланс работы и личной жизни, семью и традиции, а также невербальную коммуникацию.
Контакт:
ileana.cinziana.surdu@gmail.com

Алина Костяна Стан аспирантка Бухарестского университета и Университета Лиль-2 во Франции. Ее работы посвящены изучению насилия на рабочем месте и качества рабочих отношений в румынском госсекторе. Занимается изучением влияния юридических институтов на социальные процессы, дискриминацией на рабочем месте, гендерными отношениями и социологией госуправления.
Контакт: costiana_stan@yahoo.com

Оана Мара Стан (род. 1984) получила степени бакалавра социологии и политологии и магистра в сфере управления кадрами. Помимо этого, она защитила диссертацию по социологии. В течение последних восьми лет она работала кадровым специалистом в международных ритейл и медиа-компаниях. Ее сфера интересов включает в себя баланс работы и личной жизни, развитие пригородов, профессиональную ориентацию. В настоящее время сотрудничает с международной исследовательской командой Cranet по вопросам бенчмаркинга и трудовых отношений.
Контакт: oanamara2000@yahoo.ca

>>

Михай-Богдан Мариан окончил юридический факультет Бухарестского университета, две магистратуры по профилям «Национальная безопасность» и «Международная безопасность». В настоящее время – аспирант Бухарестского университета. Интересуется общественно-политическими последствиями глобализации в современных обществах, планирует продолжать академическую работу в рамках этой темы.
Контакт: mihaimarb@yahoo.com

Лучан Ротариу – социолог, аспирант факультета социологии и социальной работы Университета Бухареста. В течение последних трех лет проводит семинары по социологии девиантности и социологии права.
Контакт: stefan.rotariu@sas.unibuc.ro

Моника Александру – социолог, в настоящее время работает в компании Exact Research and Consulting в Бухаресте. Она закончила аспирантуру в 2012 году, защитив диссертацию о международной миграции, социальной мобильности и неоднозначности статусов. В последние годы Моника тесно сотрудничает с медународными организациями и исследовательскими институтами, изучая миграции и торговлю людьми.
Контакт: alexandru_monica@yahoo.com

Балаж Телегди в настоящее время работает профессором в Трансильванском венгерском университете Сапиентия (в Румынии). Он окончил магистратуру по социологии в Университете Бабеш-Боляя, где он изучал региональное неравенство в плане социальных проблем в Румынии. В настоящее время он пишет диссертацию по истории румынской социологии в Бухарестском университете. Его исследовательские интересы также касаются социологии транзита, институциональному доверию и анализу социальных сетей.
Контакт: telegdyb@yahoo.com

Каталина Петре увлеченная аспирантка факультета социологии Бухарестского университета. Получили грант на 4 месяца обучения в Свободном университете Брюсселя (Бельгия), где будет заниматься изучением социологии повседневности. Ее также интересуют такие сферы как социология телесности, невербальная коммуниккация, социология организаций, управление кадрами. Тема ее диссертации – «Восприятие молодых женщин под влиянием стандартов красоты, пропагандируемых в румынском обществе».
Контакт: guliecatalina@yahoo.com

Мириам Чиходариу - аспирантка факультета социологии Бухарестского университета, ранее – аспирантка факультета антропологии в Университете имени Йоханнеса Гутенберга в Майнце, ассистентка преподавателя и научная сотрудница. Ее излюбленный исследовательский метод – составление нарративной ментальной карты. Считает себя одним из пионеров метода. Ее кандидатская диссертация основана на более чем трехлетнем нарративном исследовании фестивалей и сообществ любителей исторической реконструкции. О ее академическом бэкграунде можно прочитать здесь: http://miriamcihodariu.com/index.html
Контакт: miriam.cihodariu@gmail.com